А. Д. ТИЛИЧЕЕВЪ.

ГУМАНИЗМЪ И НАЦIОНАЛИЗМЪ ДОСТОЕВСКАГО.

Замѣтки о Достоевскомъ и славянофильствѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., д. № 39.
1881.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

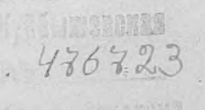
ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

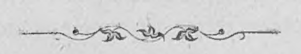
А. Д. ТИЛИЧЕЕВЪ.

ГУМАНИЗМЪ И НАЦІОНАЛИЗМЪ

ДОСТОЕВСКАГО.

Замѣтки о Достоевскомъ и славянофильствѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., д. № 39.
1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 апрѣля 1881 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудно у насъ теперь ожидать вполнѣ безпристрастной оцѣнки Достоевскаго, какъ публициста. Слишкомъ свѣжо еще воспоминаніе недавней борьбы. Слишкомъ большой просторъ данъ былъ разъигравшимся страстямъ. Поэтому никто и не ожидалъ справедливой оцѣнки Достоевскаго. Но можно и должно было ждать, что дадутъ остыть еще неистлѣвшему праху его. Ожиданіе это не сбылось, и нашлись люди, которые подъ предлогомъ того, что «ученыя засѣданія не суть мѣсто для изліянія чувствъ», оклеветали Достоевскаго, обвинили его въ «ипсоманіи», въ «мессіянизмѣ», въ неумѣньѣ совершать истинныя дѣла любви и братства и въ недостаткѣ чувства собственнаго достоинства, братства и равенства. Они же обвинили Достоевскаго въ томъ, что онъ не обращалъ должнаго вниманія на условія, при которыхъ вырабатывается характеръ, и направилъ все свое вниманіе лишь на личное совершенствованіе. Однимъ словомъ, опять стали повторять теперь старыя, избитыя фразы профессора Градовскаго, да еще прибавляютъ къ нимъ закваску мнимой «ипсоманіи» и какого-то «мессіянизма» Достоевскаго (сравниваемаго даже съ еврейскимъ), хотя онъ никогда не говорилъ о превосходствѣ русскаго народа надо всѣми другими народами міра и о необходимости всемірнаго господства Россіи.

Понятно, что подобныя нелѣпости вызываютъ возможно скорый отвѣтъ въ такой формѣ, въ какой онъ вылился подъ впечатлѣніемъ минуты. Но поэтому нельзя было придать этому труду ту законченность и систематичность, какую желательно было бы дать ему. Это не научное сочиненіе, а скорѣе рядъ очерковъ и набросковъ, необрабо-

танныхъ ни по формѣ, ни по содержанію. Авторъ хотѣлъ-бы только навести другихъ на мысли, которыя онъ считаетъ полезными, и вызвать своимъ трудомъ подражанія, болѣе достойныя того дѣла, которому онъ берется служить.

Авторъ.

ГЛАВА I.

Политическіе противники Достоевскаго.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душой,
И тебя благословляю:
Шествуй тою-же стезей.
Добролюбовъ.

Эти слова Добролюбова лучше всего поставить въ началѣ сочиненія о Достоевскомъ, ибо *честенъ онъ былъ*; — это прежде всего надо сказать о немъ. Это признали всѣ,—даже литературные противники его. Добролюбовъ слѣдующимъ образомъ отозвался о произведеніяхъ Достоевскаго: «въ нихъ мы находимъ одну общую черту, болѣе, или менѣе замѣтную во всемъ, что̀ онъ писалъ: это — боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ и наконецъ даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ», — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора, помимо всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то a priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканіе человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удается, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ, или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только— или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простаго тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искрен-

*

няго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ-будто родятся съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніи какъ-будто никогда съ роду не посѣщала. Это точно существа другаго міра, точно въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? Какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? Къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя произведенія г. Достоевскаго»... (Соч. Добр., изд. 1862, III, стр. 551).

Да, нравственная высота Достоевскаго, скорбь его о падшихъ людяхъ и искреннее стремленіе поднять ихъ составляютъ лучшую сторону дѣятельности Достоевскаго, такую сторону его дѣятельности, которую признали даже противники его. Всѣ признали его защитникомъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ, слабыхъ и беззащитныхъ. Всѣ единогласно признали его искренность, правдивость, смѣлость и прямоту. Всѣ признали, что онъ никогда не позволялъ себѣ сдѣлокъ съ совѣстью, и потому даже литературные противники его собрались на могилѣ его и устами г. Гайдебурова сказали:

Ни холодъ сѣвера, ни бремя кандаловъ,
Ни трудъ тяжелый не по силѣ,
Ни гнетъ страдальческихъ годовъ его души не очерствили.
Онъ въ узахъ былъ душей свободенъ,
Онъ сохранилъ сердечный жаръ,
И былъ великъ и благороденъ
Его прекрасный, чудный даръ...
Пускай враги жестокою рукой
Вѣнецъ съ главы его срываютъ,
Пусть ложные друзья нечистою хвалой
Его прекрасный образъ оскверняютъ.
Мы знать ихъ не хотимъ! до нихъ намъ дѣла нѣтъ!
Мы знаемъ лишь его великій геній,
Предъ *нимъ* склоняемъ мы колѣни,
Ему несемъ горячій нашъ привѣтъ.
И если есть еще на свѣтѣ право,—
Да будетъ святъ намъ этотъ прахъ,
И если дорого для насъ родная слава,—
Да будетъ это имя на устахъ!

Среди борьбы, среди времен обломков
Оно не тронутым пройдет из вѣка в вѣк,
И будет приговор о нем потомков:
Се человѣк!

Но страсти и вражда не умолкли. Не успѣла еще закрыться его могила, не успѣл остыть его еще неистлѣвшій прах, как слово вражды и озлобленія долетѣло до нас и омрачило торжественность минуты: не хотѣли даже шапок снять над могилою его и называли «балаганством» выраженіе сочувствія ему.

И теперь лишь только появились первые, вышедшіе послѣ смерти Достоевскаго журналы, как партейный дух осквернил их и наложил на них свою грязную печать: вмѣсто любви и всепрощенья, в них замѣтны лишь вражда и озлобленіе. Всего страннѣе то, что такое озлобленіе замѣтно даже в «солидных» журналах. «Вѣстник Европы» напр. старается умалить даже значеніе его художественнаго творчества. Литературный обозрѣватель «Вѣстника Европы» в мартовском нумерѣ упрекает Достоевскаго в излишней самоувѣренности, в «разсчетѣ бить на эфект» и т. д., и т. д.

По мнѣнію обозрѣвателя, Достоевскій постепенно терял гуманное направленіе, и «наиболѣе жизненныя идеи Бѣлинскаго», которыя замѣтил в нем еще Добролюбов.

Обозрѣватель отрицает, что «время ссылки имѣло на Достоевскаго благотворное и отрезвляющее вліяніе, и хочет видѣть в этом отрезвленіи непремѣнно ретроградное направленіе и возвращеніе к отсталым убѣжденіям, хотя сам сознается, что не знает, в чем состояла перемѣна взглядов в Достоевском. Между тѣм всѣм извѣстно, что, сблизившись с народом и узнав страданія его, сам испытав эти страданія, Достоевскій дѣйствительно отрезвился и понял народ наш, понял его лучше, чѣм прежде понимал, и перестал быть безпочвенным «либералом»: он рѣзко и прямо примкнул к радикалам, и с тѣх пор эти убѣжденія не покидали его. Достоевскій стал народником-демократом, т. е. истинным славянофилом, и вот почему он участвовал в журналах «Время» и «Эпоха» и не мог помѣщать своих статей в «либеральных» журналах и газетах Петербурга. Но Достоевскій никогда не был сторонником «достаточности надѣлов», и потому его славянофильство не компрометировало его; а потому еще болѣе

непонятно, почему такъ много кричатъ про «отсталость» его. Достоевскій никогда не былъ «отсталымъ» и никогда не приставалъ къ лагерю гасильниковъ русской мысли. Его теорія о «почвѣ» (народѣ) и объ оздоровленіи корней никогда не получала аристократической окраски, а потому онъ всегда былъ истиннымъ демократомъ. Если же онъ потомъ противъ воли попалъ въ «Гражданинъ», то не «Вѣстнику Европы» говорить объ этомъ, ибо онъ знаетъ, что Достоевскому было некуда идти, а кн. Мещерскій давалъ ему полную свободу, и Достоевскій велъ въ его журналѣ совершенно самостоятельный «Дневникъ», который нисколько не походилъ (по духу и направленію) на остальныя статьи «Гражданина». Аристократизмъ же «Вѣстника Европы» гораздо менѣе либераленъ, чѣмъ демократизмъ Достоевскаго, и мы это докажемъ сейчасъ.

Направленіе «Вѣстника Европы» дѣйствительно либерально, но либерализмъ этотъ самаго аристократическаго свойства. Стòитъ только вспомнить статьи о землевладѣніи и земледѣліи графа Орлова-Давыдова, со взглядами котораго редакція «Вѣстника Европы» солидарна, иначе не стала бы печатать его статей. Видно, крѣпостническій духъ не выдохся у насъ, и представителями его являются иногда даже и «либеральные» солидные публицисты «Вѣстника Европы», которые до сихъ поръ не въ силахъ еще отдѣлаться отъ крѣпостнической закваски. Они, мечтая о всероссійской говорильнѣ, заботятся лишь о счастьѣ «бѣлыхъ жилетовъ» и нисколько не думаютъ о народѣ; но сознаться въ этомъ не могутъ пока. Поэтому понятно ихъ неудовольствіе по поводу того, что «отсталые» славянофилы оказываются *либеральнѣе* ихъ. Но въ такомъ случаѣ, господа, что нибудь одно: или сознайтесь въ своемъ аристократизмѣ и пристаньте къ лагерю г. Каткова, съ которымъ у васъ были раздоры, вѣроятно, по недоразумѣнію; или признайте заслуги славянофиловъ и постарайтесь не отстать отъ нихъ. А то, отставая отъ нихъ, вы не сдѣлаетесь прогрессивнѣе оттого, что будете кричать объ отсталости ихъ. Какой-же у васъ либерализмъ, какіе вы прогрессисты, если вы могли помѣщать у себя крѣпостническія статьи графа Орлова-Давыдова («Вѣстникъ Европы», іюнь, 1873 г.), которыя не только не лучше, но еще хуже статей г. Земледѣльца и Дмитрія Самарина, скомпрометировавшихъ «Русь». Вспомните, что писалось у васъ. Главныя причины высокаго состоянія земледѣлія въ Англіи графъ Орловъ-Давыдовъ видѣлъ въ *«распредѣленіи земли между немногими крупными и средними собственни-*

ками», въ *«соединеніи въ однѣхъ рукахъ поземельной собственности и капитала, и проистекающей отъ этого возможности землевладѣльцевъ довольствоваться умѣренными доходами, не истощающими капитальнаго достоинства земли»*, въ *«стремленіи землевладѣльцевъ къ сбереженію доброкачественности земли, которую они не обязаны закономъ раздѣлять между своими наслѣдниками, и которую они имѣютъ право завѣщевать въ нераздѣльную собственность одного лица»* и т. д., и т. д.

Выводы графа Орлова-Давыдова слѣдующіе: *«въ каждомъ государствѣ землевладѣніе должно являться удѣломъ самыхъ богатыхъ людей, и наоборотъ, земледѣліе выпадаетъ на долю бѣднѣйшей части населенія; это существуетъ, какъ общее правило, вездѣ, но у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ мы находимся, этотъ экономическій законъ еще менѣе допускаетъ исключеній, чѣмъ гдѣ-бы то ни было»*. (В. Е. іюнь 1873, 844 страница). Это-ли не языкъ Дмитрія Самарина и г. Земледѣльца. Чѣмъ гр. Орловъ-Давыдовъ либеральнѣе и прогрессивнѣе г. Земледѣльца или г. Дмитрія Самарина? Развѣ графъ Орловъ не болѣе ихъ баричъ и крѣпостникъ? Онъ на 845 и 846-ой страницахъ прямо говоритъ, что *вся земля должна достаться въ руки немногихъ крупныхъ собственниковъ, баричей, у которыхъ капиталисты могутъ быть арендаторами, а остальная масса народа*, по мнѣнію почтеннаго графа, *должна превратиться въ голодныхъ, оборванныхъ, безпомощныхъ пролетаріевъ-батраковъ, которые должны-бы тогда, на подобіе ирландцевъ, тяжелымъ физическимъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, а при малѣйшемъ неудовольствіи барина, или арендатора-капиталиста, могли-бы быть выгнаны на улицу съ своими женами и дѣтьми...*

Но довольно пока о «Вѣстникѣ Европы» и о его аристократическихъ либералахъ. Если они осмѣливаются Достоевскаго упрекать въ «ретроградствѣ» (!?) и въ отсталости, то подобное отношеніе къ нему только насмѣшитъ однихъ и возмутитъ другихъ. Вѣдь фарисеи тоже брались судить о Христѣ, а свѣтскіе дэнди нашего времени тоже считаютъ себя либеральнѣе и прогрессивнѣе древнихъ грековъ, ибо живутъ послѣ нихъ и вкусили отъ болѣе утонченныхъ плодовъ цивилизаціи. Таковы и либералы «Вѣстника Европы» и другихъ «органовъ печати, не понявшіе Достоевскаго и не могущіе его понять.

Но обозрѣвателю «Вѣстника Европы» скажемъ еще послѣднее

слово. Онъ говоритъ, что письмо г. Кавелина осталось безъ отвѣта со стороны Достоевскаго. Это неправда: Достоевскій въ своемъ послѣднемъ выпускѣ «Дневника» разбиваетъ всѣ доводы г. Кавелина, но только не называетъ послѣдняго по имени. Предлагаемый трудъ нашъ служитъ новымъ отвѣтомъ г. Кавелину. Безпристрастный читатель, прочтя этотъ отвѣтъ, увидитъ, насколько были основательны доводы противниковъ Достоевскаго.

Теперь обратимся къ «радикальнымъ» противникамъ Достоевскаго: или, вѣрнѣе, къ тѣмъ изъ нихъ, которые корчатъ изъ себя радикаловъ.

Изъ всѣхъ этихъ мнимыхъ «радикаловъ» самыми смѣлыми являются «радикалы» покойнаго «Дѣла» и «Отечественныхъ Записокъ». Про радикаловъ покойнаго «Дѣла», сирѣчь прислужниковъ г. Благосвѣтлова, и куры не клевали. Теперь они скрылись невѣдомо куда, а новая редакція «Дѣла» ничѣмъ себя еще не заявила, хотя безпристрастія (судя по началу) можно ожидать больше. Но литературные фокусники «Отечественныхъ Записокъ», приставшіе къ хвосту г. Щедрина, по своей беззастѣнчивой лживости и партіозности, достойны нѣкотораго вниманія съ нашей стороны.

Наше время—добродушное время, и мы скоро со всѣмъ сживаемся. Было время, когда и Добролюбовъ не удовлетворялъ насъ, и мы искали чего-то высшаго, какихъ-то глаголовъ истины и могучихъ провозвѣстниковъ новыхъ ученій. Но умеръ Добролюбовъ, и мы сами упали, и вкусы у насъ значительно понизились. Явился Писаревъ, и бойкій и талантливый мальчикъ, недоучившійся и недодумывавшійся, сталъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Общество наше обрадовалось этому мальчику, и многіе даже увлекались имъ. Писаревъ проповѣдничалъ, проповѣдничалъ, самъ себя побивалъ и ловилъ на каждомъ шагу (въ спорѣ съ г. Антоновичемъ), и все не смущался, а поклонники вторили ему.

Писаревъ иногда продѣлывалъ удивительныя вещи: онъ напр. объ «Отцахъ и дѣтяхъ» г. Тургенева два раза высказывалъ—діаметрально противоположныя воззрѣнія («Базаровъ» и «Реалисты»). Любознательному читателю совѣтую возобновить въ памяти эту курьезную полемику и прочесть вновь статьи этого времени г. Посторонняго Сатирика (г. Антоновича), помѣщенныя въ «Современникѣ». Но наконецъ г. Писаревъ договорился до самыхъ невѣроятныхъ абсурдовъ,—до отрицанія идеаловъ, искусства и т. д., и вообразилъ, что это-то и есть—«реализмъ». Крайнимъ предѣломъ его абсурдовъ

было мнѣніе, что «сапоги выше Шекспира». Но общество переносило все это и даже восхищалось имъ, а нѣкоторые, въ наивности души, въ самомъ дѣлѣ подумали, что Писаревъ превзошелъ Добролюбова и Бѣлинскаго, и пошелъ дальше ихъ по пути прогрессивныхъ воззрѣній. Его неумѣлыя компиляціи, его самоувѣренное невѣжество—все сходило ему съ рукъ, все прощала ему наша снисходительная публика. Но умеръ Писаревъ, и общество наше упало еще ниже. Писаревъ все-таки обладалъ талантомъ, живостью и бойкостью изложенія, искреннимъ увлеченіемъ и нѣкоторымъ юношескимъ задоромъ, но у теперешнихъ зоиловъ и того уже нѣтъ.

Со смертью Писарева исчезли послѣдніе могиканы пробудившейся было русской мысли. Явились бездарности и компиляторы, попугаи и обезьяны, и русская мысль спѣла надолго свою послѣднюю лебединую пѣснь. Божьи коровки и крыловскія лягушки заполонили литературу, и душно стало, и тяжело было дышать въ этой смрадной атмосферѣ самолюбиваго эгоизма и тщеславной бездарности. Великіе «философы» и фельетонисты—все смѣшалось въ одну кучу и надо всѣмъ царилъ всемогущій девизъ: «спасайся кто может». И спасались иные, удалясь отъ сквернаго, и опустѣла русская публицистика. Она стала опускаться все ниже и ниже, и по мѣрѣ того и требованія публики все понижались и наконецъ дошли до невѣроятнаго minimum'а... наконецъ мы дошли до того, что стали довольствоваться г-ми Скабичевскими, Михайловскими, Златовратскими и тому подобными ничтожествами, которыхъ г-нъ Щедринъ только изъ жалости держитъ въ своемъ хвостѣ.

Пора намъ опомниться и призвать на помощь тѣхъ, кто дѣйствительно можетъ поднять насъ, т. е. славянофиловъ.

Славянофильство не умерло и не умретъ никогда. Духъ его живетъ въ русскихъ людяхъ и поддерживаетъ ихъ въ минуты нравственнаго паденія и кризиса. Славянофильство не есть «устарѣвшее» народничество, которое можетъ быть замѣнено новымъ, какъ утверждаетъ г-нъ Златовратскій. Нѣтъ! славянофильство есть единственное народничество, возможное у насъ, и единственно отвѣчаетъ требованіямъ народнаго духа и общественнаго самосознанія. Интеллигентные славянофилы—единственные радикалы, могущіе сказать про себя: «мы не только *за народъ*, но *и съ народомъ*». Да! А другіе народники тоже стоятъ за народъ, да народъ-то ихъ не хочетъ признать. А вѣдь нельзя же насильно быть милымъ. Это во-первыхъ; а

во-вторыхъ, пусть г-нъ Златовратскій и ему подобные публицисты не думаютъ, что *либеральное* и *радикальное* славянофильство ничѣмъ не отличается отъ западническаго либерализма и радикализма. Радикализмъ «Русской Мысли» и радикализмъ «Отечественныхъ Записокъ» далеко не тождественны. Славянофильская программа не исчерпывается программою радикализма: она вмѣщаетъ ее въ себѣ, какъ цѣлое составную часть, но содержитъ еще кромѣ того *національныя* вѣрованія, надежды и стремленія. Истинные славянофилы никогда не переставали и не перестанутъ быть націоналистами, хотя бы ихъ воззрѣнія на народные интересы ничѣмъ не отличались отъ воззрѣній радикаловъ. Славянофилъ всегда останется славянофиломъ, т. е. патріотомъ и націоналистомъ, не отрекающимся отъ своей народности и вѣрящимъ въ судьбу ея. Однимъ словомъ, славянофилы-прогрессисты не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ, и они защитники не только экономическихъ, но и духовныхъ, національныхъ интересовъ народа, которыхъ западники наши и «либералы» знать не хотятъ. Наши космополиты - радикалы не знаютъ народа и не понимаютъ его: они не понимаютъ его интересовъ и не понимаютъ, какъ дѣйствовать на него; поэтому народъ отвергаетъ ихъ. Славянофильство, т. е. національный радикализмъ, гораздо обширнѣе и глубже космополитическаго, не признающаго національныхъ интересовъ народа, его духовныхъ потребностей и вѣрованій. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже; а пока скажемъ только, что славянофильство *не* есть ученіе отдѣльнаго кружка, или партіи, а есть ученіе всего русскаго народа, всей мыслящей его интеллигенціи, не переставшей быть русскою: оно воплощаетъ въ себѣ историческую идею нашего народа и программу его будущей дѣятельности. Славянофильство есть нашъ русскій націонализмъ, наше историческое народничество, которое народъ признаетъ своимъ. Славянофильство нисколько не исключаетъ радикализма, но и не поглощается имъ. Истинные славянофилы (демократы) всегда радикалы, но не космополитическіе радикалы. Они не отрекаются отъ національности своей и не перестаютъ быть русскими по своимъ вѣрованіямъ, надеждамъ и чаяніямъ, не теряютъ любви къ родинѣ и не дѣлаются ренегатами и предателями. Но такъ какъ всѣ истинные славянофилы (демократы) были всегда радикалами, то, собственно говоря, никакого измѣненія въ ихъ ученіи и направленіи не произошло, а отдѣльные славянофильствующіе писатели не мо-

гутъ ни поднять, ни уронить славянофильство, ибо оно вѣчно оно не осквернится какъ ложными друзьями (вродѣ г. Земледѣльца), такъ и врагами, клевещущими на него. Славянофильство стремится возвысить и облагородить современный радикализмъ нравственными принципами Христа и Канта. Оно расширяетъ нашъ умственный кругозоръ и возвышаетъ нашъ духъ; оно признаетъ духовныя нужды нашего народа, его надежды, вѣрованія и историческую судьбу его. Поэтому славянофильство несокрушимо и стоитъ на твердой почвѣ. Оно переживетъ всѣ остальныя ученія и останется твердо, какъ скала, во время народныхъ бурь и волненій.

Поэтому-то такъ живуче славянофильство и такъ соотвѣтствуетъ оно потребностямъ русскаго общества. Не смотря на отчаянное сопротивленіе западниковъ и космополитовъ, оно пробиваетъ себѣ дорогу, и скоро лучъ свѣта засіяетъ въ темномъ царствѣ. Славянофилы могли лишь на время умолкнуть и притаиться, но теперь снова раздался ихъ звучной голосъ и снова призываетъ насъ къ жизни и борьбѣ. Проснулась Русь, и дѣти наши, вѣроятно, увидятъ тотъ свѣтъ, зарю котораго мы замѣчаемъ теперь.

Но свѣта еще мало пока, и тьма сражается съ нимъ.

Прогрессисты раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: космополиты сражаются съ славянофилами, раздоры ослабляютъ насъ, и духъ патріотизма падаетъ,— изнуряясь въ борьбѣ. Но вѣра подкрѣпляетъ насъ, и мы добьемся, наконецъ, своего торжества. Пока дѣйствительно осмѣивается патріотизмъ, извращается славянофильство и вездѣ царствуетъ лишь ложь и клевета. Главные руководители общественнаго мнѣнія—наши толстые журналы «Вѣстникъ Европы» и «Отечественныя Записки»—не стоятъ на высотѣ своего призванія и не удовлетворяютъ стремленіямъ образованнаго общества: они неумѣютъ облагородить и возвысить духъ нашъ, указать намъ исходы культурной тоски и примирить въ насъ внутреннія противорѣчія; они только указываютъ на эти противорѣчія, и разсматриваютъ всѣ вопросы лишь съ одной стороны, а потому свѣта не видно, не даютъ его намъ. Ихъ отношеніе къ славянофильству и Достоевскому весьма характерно и ярко обрисовываетъ ихъ партейный духъ, ихъ узкій, субъективный масштабъ. Справедливость и безпристрастіе исчезли куда-то, и царствуетъ вездѣ лишь ложь и обманъ.

Наши либералы не въ состояніи подняться на высоту своего

призванія, и только тормозятъ дѣло прогресса. Правда, они выше г. Каткова, ибо не отстаиваютъ такъ явно привиллегіи меньшинства; но истинный прогрессъ не доступенъ имъ, и они остались въ хвостѣ современнаго движенія. Они обсуждаютъ Достоевскаго и славянофильство съ устарѣлой точки зрѣнія шестидесятыхъ годовъ и потому поютъ не въ унисонъ общественному мнѣнію а берутъ фальшивыя ноты. Такими фальшивыми нотами прозвучали статьи о Достоевскомъ обозрѣвателя «Вѣстника Европы», г. Михайловскаго, и профессора Потебня, которые такъ странно отнеслись къ Достоевскому. Правда, газета «Порядокъ» похвалила ихъ, но общество иначе отнеслось къ ихъ односторонней критикѣ и партейному фанатизму. Другіе органы либеральной партіи — «Недѣля», «Русская Мысль», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Рѣчь», «Дѣло» и т. д.—совершенно иначе отнеслись къ Достоевскому, а статьи «Русской Мысли» и «Историческаго Вѣстника» какъ бы отвѣчали на нападеніе г-на Михайловскаго.

И такъ, въ виду того, что статьи о Достоевскомъ «Русской Мысли» и «Историческаго Вѣстника» служатъ какъ-бы отвѣтомъ на критику г. Михайловскаго, мы приведемъ выдержки изъ нихъ, чтобы облегчить разъясненіе нашихъ мыслей и ускорить конецъ нашего спора. Статьи эти такъ хорошо выражаютъ то, что̀ надо было сказать, что намъ останется только прибавить къ нимъ нѣсколько словъ.

Вотъ что̀ говоритъ о Достоевскомъ «Русская Мысль» устами г-на А. Ч., котораго, вѣроятно, и г. Михайловскій знаетъ.

«Въ рудникахъ Сибири», говоритъ г-нъ А. Ч., «въ близкомъ общеніи съ злодѣями, съ преступниками, научился онъ (Достоевскій) прислушиваться къ тайнымъ воплямъ страждующихъ. Тамъ онъ научился любить человѣка,—не того святаго и самодовольнаго человѣка, которому легко живется, а того униженнаго и оскорбленнаго, презираемаго и ненавидимаго, который нуждается въ словѣ утѣшенія и оправданія. Тамъ-же узналъ онъ и народъ русскій, и увѣровалъ въ его силу и правду».—Далѣе, объясняя идеи, вдохновлявшія Достоевскаго, г. А. Ч. говоритъ: «идея, вдохновлявшая автора, вездѣ одна: вездѣ—защита попранныхъ правъ человѣка, вездѣ—оправданіе согрѣшившимъ и прощеніе падшимъ.... Онъ вѣрилъ въ душу человѣка и въ другихъ поддерживалъ эту вѣру. «Не презирай, не казни, не суди».—Вотъ тема, которую онъ разрабатываетъ неустанно и въ романахъ, и въ «Дневникѣ», и въ жизни. Безпощадно, какъ врачъ, убѣж-

денный въ пользѣ своихъ операцій, анатомируетъ онъ самые темные углы сердца человѣческаго, самыя сокровенныя движенія души.

«Кто знакомъ съ произведеніями Достоевскаго (а кто-же не знакомъ съ ними?), тому нечего говорить о глубинѣ и могучей правдѣ его анализа, о его знаніи человѣческаго сердца. Кому не случалось, прочтя романъ его, покраснѣть за свои собственныя мысли и чувства, какъ-бы подслушанныя геніальнымъ психологомъ,—такія мысли и чувства, въ которыхъ человѣкъ самому себѣ стыдится признаться,— и кто не почувствовалъ готовности подать руку и сказать слово примиренія тому, кого наканунѣ онъ забросалъ-бы каменьями».

Вотъ какъ отзывается о Достоевскомъ г. А. Ч. Какъ мелки и ничтожны передъ этимъ усилія г-на Михайловскаго очернить его. «Открыто и гордо», продолжаетъ г. А. Ч., «несъ онъ (Достоевскій) свое знамя къ избранной цѣли. Никогда ни ради чего не отступалъ онъ ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій и завѣтныхъ вѣрованій; во всю жизнь свою не сказалъ онъ фальшиваго слова. Отъ того-то и могуча такъ его вдохновенная рѣчь».

Вотъ, г. Михайловскій, у кого вамъ нужно-бы поучиться честному и откровенному отношенію къ дѣлу, а смѣяться надъ «откровенными» газетами и журналами нетрудно. Вѣдь и Пигасовъ издѣвался надъ Рудинымъ, издѣвался и тогда, когда тотъ уничтожилъ его и пригвоздилъ къ позорному столбу. Для насмѣшекъ и хихиканья не много нужно ума; но для истиннаго развитія и выработки критическаго такта, надо побольше имѣть развитія и добросовѣстности. Дайте намъ искреннее задушевное слово, дайте намъ новую оригинальную мысль, и мы скажемъ вамъ спасибо, и поучимся у васъ, а насмѣшечками, да хихиканьемъ вы никого не удивите. Оригинальничанье не есть оригинальность; безплодная, безсвязная болтовня, прикрытая громкими фразами, не есть истинная мудрость! Это—«каплунныя мудрости» по вашему-же собственному выраженію, ибо, набирая кучу грязи и стараясь ею забросать покойнаго, вы, конечно, не похороните его, но себя загрязните порядочно. Вполнѣ вѣрно, что о мертвыхъ великихъ писателяхъ можно разсуждать и разсуждать свободно, ибо они подлежатъ общественной критикѣ; но врать на нихъ и врать безбожно нельзя, и это вамъ никогда не простится. Вы-же клевещете на Достоевскаго и клевещете самымъ безсовѣстливымъ образомъ, говоря, что онъ хлопоталъ не объ уменьшеніи, а объ увеличеніи страданій людей, не о свободѣ, а объ охраненіи «существующаго порядка» во

всей его неприкосновенности. Вы даже г-на Модестова превзошли и у него могли-бы поучиться справедливости и безпристрастію. Вѣдь и г-нъ Модестовъ публично призналъ, на основаніи всѣмъ извѣстныхъ словъ Достоевскаго, что онъ стоялъ за свободу и желалъ водворенія у насъ такой свободы, какая теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, даже бо́льшей свободы. А вы, г. Михайловскій, утверждаете, что Достоевскій стоялъ за существующій порядокъ, стоялъ будто-бы настолько, что не хотѣлъ видѣть истинной причины зла и проповѣдывалъ стремленіе къ страданію, къ страданію всеобщему. Но можно-ли такъ безбожно искажать слова великаго писателя и не понимать, или не желать понять того, что́ онъ самъ говорилъ.... Это или безсовѣстно, или просто глупо, глупо до невѣроятности.

Достойнымъ отвѣтомъ на эти инсинуаціи могутъ послужить слѣдующія строки «Историческаго Вѣстника», который, указывая на то, что только послѣ смерти Достоевскаго общество оцѣнило его какъ слѣдуетъ, признаетъ, что такое признаніе было слишкомъ позднее.

«Да, онъ былъ признанъ слишкомъ поздно», говоритъ «Историческій Вѣстникъ».—«Никто изъ русскихъ писателей не былъ такъ оригиналенъ; никто такъ мало не старался идти за вѣкомъ, за господствующими вѣяніями, за модою, и никто изъ нашихъ большихъ писателей не былъ брошенъ такъ безжалостно на съѣденіе нужды, на необходимость зарабатывать свой хлѣбъ только литературнымъ трудомъ. Мы говоримъ о писателяхъ-художникахъ. Ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни графъ Толстой, ни Гончаровъ, ни Писемскій, ни Салтыковъ, никто изъ этихъ крупныхъ талантовъ не былъ въ такомъ положеніи вѣчнаго работника, какъ Достоевскій, и никто изъ нихъ не жилъ всю свою жизнь въ такой скромной обстановкѣ, какъ покойный, у котораго наканунѣ смерти вырвалась скорбная фраза: «я оставляю дѣтей своихъ нищими».... Поэтому стыдно г-мъ Михайловскимъ и имъ подобнымъ требовать отъ Достоевскаго такой тщательной обработки формы изложенія, такой ясности и послѣдовательности мыслей, какая можетъ быть у нихъ, господъ сытыхъ. Но, замѣчая нѣкоторые промахи его, не слѣдовало такъ кричать объ нихъ, а главное не слѣдовало преувеличивать ихъ и придавать имъ не то значеніе, какое они имѣли. Достоевскій никогда не терялъ своего гуманнаго направленія и вѣчно былъ на стражѣ народныхъ интересовъ. Онъ отлично понималъ, кто оскорбители и унижающіе, и потому такъ воевалъ съ «бѣлыми жилетами», какъ онъ ихъ называлъ. Если

г-нъ Михайловскій этого не замѣтилъ, то Достоевскій не виноватъ въ этомъ, а клеймить и позорить его грѣшно и стыдно; надо не имѣть никакого сердца, чтобы говорить о Достоевскомъ такъ, какъ говоритъ г-нъ Михайловскій. И кто его просилъ изливать всю свою желчь наружу? Оставилъ-бы ее внутри себя, и лучше было-бы.

Описывая честность и неподкупность Достоевскаго, его самостоятельность и прямоту, «Историческій Вѣстникъ» говоритъ: «ошибался-ли онъ, нѣтъ-ли, но онъ не заимствовалъ готовыхъ сужденій, не подчинялся ходячимъ мнѣніямъ, а былъ всегда самъ собою и былъ всегда искреннимъ; отсюда его значеніе между молодежью, которая въ своихъ сомнѣніяхъ, въ буряхъ молодой жизни, въ исканіи правды, въ исканіи примиренія съ дѣйствительностью, приходила къ нему открывать свою душу и получить слово утѣшенія отъ человѣка, который такъ много испыталъ и выстрадалъ, и который говорилъ такимъ оригинальнымъ, такимъ сердечнымъ языкомъ».

О петрашевцахъ, къ кружку которыхъ принадлежалъ Достоевскій, «Историческій Вѣстникъ» говоритъ: «На могилѣ писателя нечего лгать; надо говорить правду. Тогдашнее правительство раздуло дѣло Петрашевскаго до-нельзя; въ настоящее время его стараются выставить чуть-ли не какъ шалостью. На самомъ дѣлѣ, это было ни то, ни другое. Если декабристы выражали своими стремленіями либерализмъ своего времени, то петрашевцы обозначали собою начало соціализма. Декабристы были болѣе организованы, и болѣе у нихъ было силъ нравственныхъ и матеріальныхъ; петрашевцы только набрасывали организацію, только стремились къ ней. Глава дѣла серьезно вѣрилъ въ возможность переворота и работалъ въ этомъ смыслѣ. Вокругъ него собрались горячія головы, увлекавшіяся идеями переворота въ духѣ Фурье. Фурье являлся для нихъ носителемъ новаго откровенія міру, и Достоевскій любилъ его систему, его идеалъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его сотоварищей. Имъ казалось, что идеи эти примѣнимы къ Россіи, что въ Россіи скорѣе и легче, чѣмъ гдѣ нибудь, онѣ могли восторжествовать». Петрашевцы увлекались также, по словамъ «Историческаго Вѣстника», идеями Сенъ-Симона, Луи Блана и Прудона. По этому поводу «Историческій Вѣстникъ» выражаетъ мнѣніе, что Достоевскій по своей глубокой натурѣ, по таланту, умѣвшему проникать въ тайникъ человѣческой души, не могъ не увлекаться новымъ ученіемъ. «Скажемъ болѣе», говоритъ названный журналъ, «онъ былъ полонъ имъ, онъ

изучалъ его и, конечно, мечталъ объ осуществленіи идеальной общины, идеальнаго государства. Ссылка дала ему знаніе простаго русскаго человѣка, его быта, его тайныхъ думъ. Значеніе ея для себя онъ даже преувеличивалъ иногда до рѣзкихъ противорѣчій съ самимъ-же собою. Противники его *) довели это положеніе его до каррикатуры, увѣряя, что онъ всѣмъ совѣтовалъ совершать преступленія, чтобы попасть на каторгу. Онъ требовалъ только знанія народа и вѣрилъ глубоко только въ тѣ политическія формы, которыя дали-бы огромному большинству счастіе, а не меньшинству... Отсюда его нелюбовь къ конституціи, къ парламентаризму, къ либераламъ: она основывалась на той-же любви къ народу, на тѣхъ-же вѣрованіяхъ въ возможность лучшаго порядка другими путями, чѣмъ обще-европейскій. Потому-же желалъ онъ земскаго собора по сословіямъ, и прежде всего земскаго собора, на которомъ высказались-бы представители отъ крестьянъ. Онъ боялся, чтобы не затерли народа, чтобъ не сдѣлали его орудіемъ для цѣлей, которыя народу ровно ничего не принесли-бы, чтобы не оставили на произволъ судьбы его экономическихъ условій, погнавшись слишкомъ горячо за разными свободами для самихъ себя, т. е. для образованнаго общества и господъ сытыхъ».

Вотъ, г. Михайловскій, главная причина, почему Достоевскій возставалъ противъ конституціи и парламентаризма, и вамъ радикалу стыдно пенять на него за это; а намекать, что онъ отъ васъ получилъ подобныя воззрѣнія просто наивно. Достоевскій вмѣщалъ въ себѣ всѣ лучшія стороны русскаго радикализма, но присоединялъ къ нему горячую вѣру въ народъ и его будущность.

«Москвичи», говоритъ обозрѣватель «Русской Мысли», «не забыли своего недавняго знакомства съ Достоевскимъ. Они помнятъ этого невысокаго, смиреннаго человѣка, который слабымъ, едва слышнымъ изъ первыхъ рядовъ голосомъ читалъ сцену изъ «Бориса Годунова», и помнятъ они его-же на другой день, когда онъ вдругъ какъ будто выросъ на цѣлую голову, когда глаза его загорѣлись и могучее слово его проникло до самыхъ дальнихъ угловъ огромной залы. Кто такъ вѣритъ въ то, что говоритъ, тому и другіе вѣрятъ». Да, вѣрятъ, и ему вѣрила молодежь; она любила его и оцѣнила его лучше нашихъ присяжныхъ критиковъ, упрекающихъ его въ «мессіанизмѣ», или до-

*) Напр. г. А. П. (обозрѣватель «Вѣстника Европы») и г. Михайловскій.

казывавшихъ его исключительную субъективность и отрицавшихъ прогрессивный духъ его ученія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ профессоръ Градовскій, споръ котораго съ Достоевскимъ принялъ крайне комичный оборотъ. Достоевскій говорилъ о личномъ совершенствованіи, какъ о необходимомъ условіи общественнаго, а ему возражали: «личное совершенствованіе безъ общественнаго недостаточно». Достоевскій опять говоритъ: «да, да! личное совершенствованіе недостаточно безъ общественнаго, но и общественное недостаточно безъ личнаго и даже невозможно безъ него, ибо тогда обращается въ пустую формальность, въ форму безъ содержанія. Общественныя учрежденія хороши лишь тогда, когда они совпадаютъ съ религіозными и нравственными идеалами народа; а потому и древнія христіанскія общины были хороши (они были основаны на полномъ братствѣ и равенствѣ всѣхъ членовъ общины), и общины эти могли-бы породить счастіе и благоденствіе народа, его духовное и матерьяльное успокоеніе, если-бы только изъ этихъ *общинъ* выработалось *государство*, въ которомъ экономическій строй соотвѣтствовалъ бы идеаламъ Христа и первыхъ учениковъ его. Но римское *государство* подавило *церковь* Христову и на развалинахъ христіанскаго ученія воздвигнутъ былъ деспотизмъ папства». Вотъ что говорилъ Достоевскій въ прошлогоднемъ «Дневникѣ». Я только сгруппировалъ его мысли, выраженныя тамъ въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ того, какъ онъ послѣдовательно разбивалъ г-на Градовскаго и не оставлялъ камня на камнѣ въ его шаткомъ зданіи.

Такъ-же не справедливо отнесся къ Достоевскому и г-нъ Модестовъ, назвавшій его теорію «утопичною» и не признавшій за поэтическимъ чутьемъ и творческой фантазіею права дѣйствовать въ области науки. Онъ, вѣроятно, позабылъ о Гете, который въ зоологіи и ботаникѣ сдѣлалъ замѣчательныя открытія, хотя не былъ спеціалистомъ-естественникомъ и не поклонялся той книжной мудрости, которой поклоняется г. Модестовъ. Онъ позабылъ, вѣроятно, и о нашемъ романистѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, который въ педагогикѣ разрушилъ иллюзіи нашихъ русскихъ нѣмцевъ и внесъ новый свѣтъ въ дѣло образованія, хотя никогда не былъ цеховымъ, ремесленнымъ педагогомъ. Но прежде чѣмъ говорить о теоріи Достоевскаго и о новомъ свѣтѣ, который онъ пролилъ на наши народные и національные вопросы (что составитъ предметъ обсужденія слѣдующей главы), я позволю себѣ нѣсколько уклониться въ сторону и поговорить о

религіи и о вѣрованіяхъ Достоевскаго, за которыя часто называли его «мистикомъ», хотя молодежь поняла этотъ «мистицизмъ» и полюбила его.

Достоевскій держался ученія Христа и доктринъ Канта, и признавалъ вѣру необходимымъ помощникомъ сомнѣвающагося разума. Онъ считалъ вѣру оплотомъ нравственности и признавалъ односторонній, крайній скептицизмъ вреднымъ, ибо онъ можетъ подорвать не только религію, но и нравственность. Онъ считалъ, что утилитаризмъ, даже самый высокій, не есть послѣднее слово науки о нравственности и глубоко убѣжденъ былъ въ томъ, что мораль Канта вновь восторжествуетъ и успокоитъ встревоженные умы, ищущіе нравственнаго оплота. Онъ горячо вѣрилъ въ то, что безъ нравственныхъ идеаловъ невозможна высшая дѣятельность, и что безъ нихъ человѣкъ обращается въ скотоподобнаго эпикурейца. Эти идеи Достоевскаго, казавшіяся многимъ столь смѣшными, теперь начинаютъ все болѣе и болѣе распространяться, и ученые спеціалисты начинаютъ признавать ихъ научное значеніе. Профессоръ Соловьевъ и г-нъ Мальцевъ написали серьезныя научныя сочиненія въ защиту этихъ положеній, и даже эмпирики англичане начинаютъ признавать необходимость вѣры и нравственныхъ идеаловъ (Спенсеръ доказываетъ это положеніе въ своихъ «Основныхъ Принципахъ»). Даже основатель позитивизма, Огюстъ Кантъ, призналъ необходимость вѣры въ идеалы, хотя придумалъ неудачныя формы для осуществленія этой идеи. Свѣтъ начинаетъ проникать теперь въ самые отдаленные закоулки, и человѣческая мысль начинаетъ освобождаться отъ оковъ всепожиравшаго скептицизма. Скептицизмъ сослужилъ уже свою службу человѣчеству и долженъ теперь вновь уступить новой вѣрѣ, которая обновитъ и укрѣпитъ человѣчество, не подавляя его разума и давая ему полную свободу. Вѣра въ нравственные идеалы, вѣра въ нравственность и добро, вѣра въ прогрессъ и вѣра въ свой народъ, вѣра въ свою національность и будущность ея, суть единственныя условія правильнаго прогресса и дѣйствительнаго обновленія страны, единственныя условія нормальной дѣятельности, направленной на благо своему народу и на спасеніе его, на поднятіе его духовныхъ силъ и на возрожденіе его. Достоевскій имѣлъ эту вѣру и другимъ старался вселить ее; онъ не признавалъ безъ нея возможность патріотической цѣлесообразной дѣятельности и горячо

желалъ убѣдить въ этомъ нашу интеллигенцію. Не въ этомъ-ли увидалъ г. Модестовъ утопичность его?

Борьба вѣры съ сомнѣніемъ имѣетъ громадное значеніе и въ наукѣ, и въ жизни, и не должна быть отождествляема съ борьбою мистицизма съ наукою. Напротивъ, наука сама держится на вѣрѣ въ успѣхахъ ея и на вѣрѣ въ разумъ человѣка. Безъ этой вѣры руки опускаются и силы слабѣютъ. Скептицизмъ, подавившій умъ, чувство и волю, есть психическая болѣзнь одного характера съ мистицизмомъ, и такъ-же, какъ и онъ, есть эпидемическая болѣзнь, поражающая массы слабыхъ умовъ. Скептицизмъ ведетъ къ индиферентизму въ политикѣ, къ обломовщинѣ и гамлетовщинѣ въ частной жизни и къ бездѣйствію въ народничествѣ. Скептицизмъ (исключительный) есть опасный ядъ, отравляющій все кругомъ и убивающій молодую жизнь въ самомъ зародышѣ. Нормальный, психически здоровый человѣкъ, не надломленный скептицизмомъ, понимаетъ, что вѣра и сомнѣніе суть два основные элементы разума и не могутъ идти одно безъ другаго. Вѣра безъ сомнѣнія есть—*суевѣріе;* сомнѣніе безъ вѣры само пожираетъ себя и подкапываетъ собственные плоды. Безъ всякой *вѣры* разумъ доходитъ до самаго безотраднаго и безсмысленнаго скептицизма, при которомъ отвергается не только религія, но и нравственность (не эпикурейская), не только метафизика, но и философія, наука и даже самый разумъ, ибо, сомнѣваясь во всемъ, разумъ доходитъ до сомнѣнія въ самомъ себѣ и въ законахъ логики. Дойдя до этой ступени, разумъ останавливается, ибо далѣе идти не можетъ: онъ самъ себя подкосилъ и не можетъ теперь сдѣлать ни шагу ни впередъ, ни назадъ. Каждый шагъ, сдѣланный имъ, останавливаетъ его и возвращаетъ назадъ, ибо всепожирающее сомнѣніе шепчетъ ему, что онъ ошибся, что у него нѣтъ критерія истины, и что наконецъ ничто не ручается ему въ томъ, что и самые законы, по которымъ онъ двигается,—правильны, ибо далѣе — «cogito, ergo sum» скептицизмъ не поведетъ. Ну, положимъ, *я*-то существую, ибо иначе *я*-бы не сомнѣвался, слѣд. вмѣсто «cogito ergo sum» можно-бы сказать—«dubito ergo sum» (сомнѣваюсь—слѣд. существую). На этомъ пунктѣ сомнѣніе дѣйствительно пожретъ само себя и дастъ вполнѣ осязательное доказательство того, что относительно существованія моего сомнѣвающагося *я* не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но даже и относительно этого нагляднаго, аксіоматичнаго доказательства изъ доказательствъ нельзя сказать, чтобъ оно было *абсолютно*

вѣрно, ибо абсолютно вѣрное доказательство *теоремы* о моемъ существованіи необходимо требуетъ существованія *аксіомы*, которая была-бы признана всѣми мыслителями *абсолютною истиною*. Такою *абсолютно* вѣрною аксіомою въ данномъ случаѣ должно-бы быть положеніе: «я сомнѣваюсь». Но даже и утвержденіе того, что «я сомнѣваюсь» въ то время, когда я въ самомъ дѣлѣ сомнѣваюсь, многіе скептики признаютъ *не* абсолютно достовѣрнымъ и въ то самое, когда они сомнѣваются въ чемъ нибудь, *они сомнѣваются въ томъ, что они сомнѣваются* (!!) Вотъ до какого абсурда доходитъ сомнѣвающійся разумъ, отрицающій вполнѣ не только суевѣріе, но и *вѣру*.

Но какъ-бы ни былъ нелѣпъ и безсмысленъ этотъ абсурдъ, какъ-бы очевидна ни была его безсмысленность, сразу бросающіеся въ глаза всякому психически здоровому человѣку, онъ существуетъ и поддерживается многими, даже великими умами, и потому мы не имѣемъ права, оспаривая ихъ положеніе, опираться на положеніе, которое они не признаютъ, и которое, слѣдовательно, въ *философскомъ* смыслѣ (часто *противорѣчащемъ здравому смыслу*) спорно. По этому, чтобы не впасть въ «petitio prencipii», не слѣдуетъ утверждать, оспаривая односторонній скептицизмъ, что положеніе «я сомнѣваюсь» въ разобранномъ нами доказательствѣ есть—*абсолютная* истина, т. е. истина *абсолютно-достовѣрная*. Слѣдуетъ признать напротивъ, что: 1) *мы и вообще все человѣчество не знаемъ ни одной абсолютной истины, или если и знаемъ, то не можемъ разсудочно доказать другимъ это знаніе*; 2) *что человѣчество можетъ быть никогда* не узнаетъ абсолютную истину во всей ея полнотѣ, и что если даже и узнаетъ какую нибудь частицу этой истины, то никогда не будетъ въ состояніи разсудочно доказать этого, ибо подобное доказательство, чтобы быть *абсолютно* достовѣрнымъ, предполагало-бы предварительное признаніе какой нибудь другой извѣстной намъ истины *абсолютной, и т. д. безъ конца.* Вообще мы должны признать то положеніе, что *настоящія аксіомы, т. е. истины, вполнѣ достовѣрныя и вполнѣ очевидныя, не только не требуютъ доказательства, но и не могутъ быть доказанными, ибо для доказательства своего требовали-бы другихъ аксіомъ, и тогда, слѣд., уже обратились-бы въ теоремы.* Поэтому и въ математикѣ число истинъ, признаваемыхъ аксіомами, сокращено, и тѣ изъ нихъ, которыя *могутъ быть доказаны* на основаніи основныхъ аксіомъ, уже не признаются теперь аксіомами, а называются *теоремами*. Отсюда ясно, что какъ математическія, такъ

и философскія аксіомы по самому своему опредѣленію *не могутъ быть доказаны*, а потому: *чѣмъ очевиднѣе и достовѣрнѣе истина (абсолютная), тѣмъ невозможнѣе ее разсудочно доказать и приходится вѣрить въ очевидность ея, или сомнѣваться въ ней.* Другаго исхода нѣтъ. Слѣд., вопросъ о томъ, знаемъ-ли мы теперь или не знаемъ хоть одну абсолютную истину, будетъ-ли вообще человѣчество хоть когда нибудь знать одну подобную истину — принадлежитъ не знанію, а *вѣрѣ*, не наукѣ и философіи (отвлеченной), а *религіи*, но, конечно, религіи не временной и клерикальной, а вѣчной, общечеловѣческой религіи, той самой религіи, которой поклонялся Спенсеръ, Кантъ и другіе великіе мыслители западной Европы, той самой религіи, которой поклоняется въ данное время нашъ ученый профессоръ Соловьевъ, той религіи, безъ которой нѣтъ *знанія* въ наукѣ, нѣтъ *красоты* въ искусствѣ и нѣтъ *добродѣтели* въ нравственности, безъ которой все человѣчество есть ничто, и весь міръ обращается въ пустоту и хаосъ, безъ которой жизнь человѣка теряетъ всякую цѣль и смыслъ.

1. Безъ вѣры нѣтъ *знанія*, ибо *сомнѣніе*, оставшись одно, все ростетъ и ростетъ, достигаетъ болѣзненной односторонности и подкашиваетъ этимъ всѣ обобщенія опытовъ и наблюденій. Поэтому безъ вѣры не можетъ быть и науки, т. е. системы послѣдовательныхъ обобщеній, сдѣланныхъ изъ опыта и наблюденій.

2. Безъ вѣры искусство превращается въ пустую игру прихотей и вкусовъ, становится вполнѣ субъективнымъ и условнымъ, и теряетъ всякій объективный критерій.

3. Безъ вѣры не можетъ быть истинной *нравственности*, ибо утилитаризмъ и условная правственность не есть то, къ чему стремится человѣчество, чего жаждутъ лучшіе умы его и что давно уже прозрѣлъ Кантъ, чему училъ Христосъ.

Наконецъ безъ вѣры въ свои силы, безъ довѣрія къ другимъ людямъ, безъ вѣры въ свою національность и безъ вѣры въ прогрессъ никакая дѣятельность немыслима, и энергія подкашивается въ самомъ корнѣ. Вообще безъ вѣры въ идеалы (нравственнаго совершенства и счастія человѣчества) не можетъ быть и стремленія приближаться къ нимъ, и *мораль* превращается въ *эпикуреизмъ*, *философія въ скептицизмъ*, *политическіе и общественные идеалы* исчезаютъ и является политическій *индиферентизмъ*; ведущій къ застою, волю и разумъ человѣка сковываетъ сонъ, а чувство развращается

и превращается въ исключительно животные инстинкты. Лучшіе люди при такомъ состояніи кончаютъ самоубійствомъ, или сумашествіемъ, а худшіе впадаютъ въ самый грязный развратъ.

И сомнѣніе, и вѣра, отдѣльно взятыя, несостоятельны и ведутъ къ болѣзненной односторонности, точно такъ же, какъ въ практической жизни излишняя *довѣрчивость* и излишняя *подозрительность* одинаково односторонни и вредны. Излишняя *довѣрчивость* ведетъ къ постояннымъ ошибкамъ и непріятностямъ, и родственно съ — *глупостью.* Излишняя подозрительность тоже ведетъ къ постояннымъ ошибкамъ и непріятностямъ, и родственна съ *сумасшествіемъ.* Первая крайность свойственна первобытному періоду человѣческаго развитія, во время котораго нѣтъ еще простора критическому разуму, но и психическое равновѣсіе не нарушено еще.

Вторая крайность (подозрительность—*сомнѣніе*), напротивъ, свойственна *переходному*, критическому періоду развитія, во время котораго человѣчество переживаетъ кризисъ *политическій, экономическій, умственный* и *нравственный.* Это періодъ Гамлетовъ. Гамлеты сомнѣваются во всемъ: въ другихъ и въ себѣ, въ своихъ собственныхъ силахъ, и даже въ силѣ разума. Поэтому они вѣчно колеблятся, ни на что не рѣшаются окончательно, постоянно обдумываютъ и взвѣшиваютъ свои рѣшенія, вѣчно мѣняютъ ихъ, и потому не способны ни къ какому практическому дѣлу. Это люди *слова*, а не *дѣла.* Конечно, они въ *умственномъ* отношеніи стоятъ выше людей предшествующаго періода, но въ нравственномъ отношеніи они менѣе сильны: ихъ характеры надломлены и раздвоены, и эта раздвоенность, свойственная имъ, проявляется у нихъ на каждомъ шагу. Она мѣшаетъ имъ послѣдовательно дѣйствовать и подвигаться впередъ, не разбрасываясь по сторонамъ. Потому они никогда не могутъ твердо и неуклонно преслѣдовать одну и ту-же цѣль. Ихъ раздвоенность мѣшаетъ имъ и глубоко *чувствовать*, ибо недостатокъ *устойчивости* все подкашиваетъ. Вслѣдствіе недостатка устойчивости (*крѣпости душевныхъ основъ*—по выраженію Бенеке), привязанности ихъ не пріобрѣтаютъ должной глубины: они легкомысленны, непостоянны, боязливы, трусливы, тщеславны и эгоистичны. Правда, есть Гамлеты и глубокочувствующіе, у которыхъ чувство по силѣ не уступаетъ уму, и только воля ослаблена; но этотъ типъ рѣже встрѣчается и не есть уже чистый типъ этого переходнаго вѣка. Есть, конечно, и въ этомъ періодѣ люди съ сильною волею (Манфреды,

Печорины), у которыхъ, вслѣдствіе отсутствія всякой вѣры, жизнь уподобляется безплоднымъ терзаніямъ Прометея. Есть и такіе типы, которые по своимъ свойствамъ мало подходятъ къ этому скептическому переходному періоду: это — сангвиники-идеалисты, которые, напротивъ, во все вѣрятъ: и въ самихъ себя, и въ будущность, и въ идеалы и т. д. Это не суть дѣти своего вѣка, и только слабость воли и непрактичность отличаютъ ихъ отъ людей предшествующаго періода. Слабость воли въ нихъ происходитъ отъ воспитанія нашего времени, не дающаго ничего для развитія воли. Но умственный кризисъ своего времени они переживаютъ, и потому ихъ называли людьми не отъ міра сего. Но къ чистому типу Гамлетовъ можно отнести только людей, у которыхъ не только воспитаніе, но и темпераментъ (меланхолическій или флегматичный) способствуютъ болѣзненному ослабленію воли и одностороннему развитію разсудка, во всемъ сомнѣвающагося, и потому не позволяющаго ни на что твердое рѣшиться. Итакъ, исключительная вѣра и исключительный скептицизмъ одинаково вредны, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. И то, и другое приводитъ къ безсилію и застою. Поэтому необходимо и въ теоріи, и въ жизни проводить идею о сліяніи того и другого, т. е. о необходимости синтеза вѣры и сомнѣнія въ знаніи, жизни и творчествѣ.

Мораль Достоевскаго была очень тѣсно связана съ его вѣрою въ нравственные идеалы. Онъ совѣтовалъ искать счастіе не во внѣшнихъ предметахъ, напр. въ удовлетвореніи честолюбія, или въ богатствѣ, ибо тогда мы весьма легко можемъ не достигнуть желаемаго, и будемъ несчастны. Но если мы поставимъ свое счастье въ исполненіи долга, полюбимъ ближнихъ своихъ, какъ самихъ себя, то хоть и будемъ несчастны, видя страданіе людей, но зато будемъ искать высшаго счастія въ служеніи человѣчеству и въ работѣ на общую пользу. Такое счастье у насъ никто не можетъ отнять, и чѣмъ больше мы отречемся отъ своего я, тѣмъ болѣе будемъ счастливы, служа идеѣ. Наоборотъ, полюбивъ себя выше всего, человѣкъ становится вполнѣ несчастнымъ: онъ вопервыхъ никогда не удовлетворяется тѣмъ, что у него есть и все хочетъ большаго, а вовторыхъ постоянно опасается потерять и то, что имѣетъ, ибо богатство непрочно, да и жизнь наша каждую минуту на волоскѣ. Поэтому эгоисты всегда подозрительны, мнительны и постоянно находятся въ тревожномъ состояніи. Въ погонѣ за счастіемъ они никогда не находятъ удовле-

творенія своихъ страстей и требованія ихъ ростутъ все больше и больше. Страсти подобнаго человѣка не будутъ умѣряться разумомъ и сознаніемъ долга, и онъ обратится въ одно изъ тѣхъ полуоскотинившихся существъ, которыя такъ талантливо описаны Достоевскимъ въ лицѣ Свидригайлова и другихъ подобныхъ «героевъ», сдѣлавшихся рабами своихъ похотей и страстей. Не такое счастье проповѣдовалъ Достоевскій: онъ напротивъ говорилъ, что свобода наша заключается не въ *произволѣ*, т. е. не въ исполненіи всего того, на что наталкиваютъ насъ наши страсти, а напротивъ въ обузданіи нашихъ страстей для болѣе высокихъ цѣлей. Это не значитъ, что нужно изнурять и ослаблять себя: напротивъ только въ сильномъ и здоровомъ тѣлѣ можетъ быть сильный и здоровый умъ. Поэтому и Достоевскій не отстаивалъ аскетизмъ, а проповѣдовалъ лишь умѣренность и обузданіе своихъ страстей ради исполненія долга. Но онъ находилъ недостаточнымъ одно лишь личное нравственное самоусовершенствованіе; онъ признавалъ значеніе одной лишь дѣятельной любви и говорилъ, что любовь безъ дѣлъ мертва есть и что иногда необходимо даже «душу свою положить за друзей своихъ». Поэтому стыдно г. Михайловскому попрекать Достоевскаго за его нравственную проповѣдь и поклоненіе ученію Христа. «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ», говорилъ Христосъ, и Достоевскій исполнялъ эту заповѣдь и другимъ напоминалъ объ ней. Вся суть ученія Достоевскаго есть ученіе любви. Онъ говорилъ: «будьте строги къ себѣ, бичуйте себя за малѣйшую сдѣлку съ совѣстью, но будьте добры и снисходительны къ другимъ. Не считайте сучки въ глазу ближняго, когда у самихъ васъ бревна. Не кидайте камнемъ даже въ падшаго человѣка, ибо кто изъ васъ безъ грѣха; помните слово Христа о блудномъ.» Поэтому дико до невѣроятности утвержденіе г. Михайловскаго, что Достоевскій отстаивалъ «строгія наказанія, острогъ и каторгу». Онъ дѣйствительно говорилъ, что научился понимать страданія народа на каторгѣ, но это не значитъ, что онъ всѣмъ совѣтовалъ отправляться для этого туда. Такой доводъ крайне наивенъ, чтобы не сказать больше. Да наконецъ, Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» прямо высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ, и остается только думать, что г. Михайловскій совсѣмъ не читалъ «Братьевъ Карамазовыхъ», или читалъ этотъ романъ, какъ читаютъ романы провинціальныя барышни, или какъ читалъ Гоголевскій Петрушка просто для процесса чтенія. Иначе при-

дется допустить, что г. Михайловскій умышленно сочиняетъ. Достоевскій устами старца Зосимы (въ разговорѣ его съ Иваномъ Карамазовымъ) прямо высказался *противъ* всякихъ наказаній и пророчествовалъ, что будетъ время, когда всѣ эти остроги и каторги будутъ замѣнены глубоко гуманнымъ всепрощающимъ судомъ Христа, который смотрѣлъ на преступниковъ, какъ на несчастныхъ, а не какъ на дикихъ звѣрей, которыхъ надо мучить и казнить *).

ГЛАВА II.

Народничество и націонализмъ.

Несомнѣнно, что главный вопросъ настоящаго времени есть вопросъ народный, вопросъ о народномъ горѣ и нуждѣ и о радикальныхъ мѣрахъ помощи ему. Но спрашивается, можно-ли и въ данное время приступить къ дружному разрѣшенію этого вопроса и привлечь всѣ слои общества, всѣ партіи къ одной великой, святой работѣ? Мы полагаемъ, что можно, что даже консерваторовъ можно заставить работать для народа, направивъ ихъ дѣло на частную благотворительность, на устройство школъ, сельскихъ банковъ, лѣчебницъ, общественныхъ лавокъ (для крестьянъ), уничтоженіе кабаковъ и т. д. Не будемъ говорить, что это «палліативы», которые «тормозятъ дѣло». *Никакое доброе дѣло не пропадаетъ даромъ*, и пора-бы намъ понять это. Народъ голодаетъ, народъ умираетъ, ему холодно, голодно и тяжело; ему надо теперь-же помочь. Не будемъ Красоткиными. «Огромное счастье» само собою, а кусокъ хлѣба пока тоже необходимъ. Разойдемся по деревнямъ и поможемъ народу каждый на своемъ мѣстѣ, кто чѣмъ можетъ. «Если вы почувствовали», говоритъ Достоевскій («Дневникъ Писателя» 1877 года. Февраль. 52 стран.). что вамъ тяжело ѣсть, пить, ничего не дѣлать и ѣздить на охоту и, если вы дѣйствительно это почувствовали и дѣйствительно такъ вамъ жаль «бѣдныхъ», которыхъ такъ много, то отдайте имъ

---

*) Когда эта глава была уже набрана, намъ пришлось прочесть обстоятельныя статьи о Достоевскомъ въ журналахъ «Мысль» (Февраль, Мартъ и Апрѣль) и «Недѣля» (№ 10), на которыя просимъ обратить вниманіе. Эти статьи совершенно опровергли статью г. Михайловскаго и онъ принужденъ былъ даже покаяться въ крупной ошибкѣ.

свое имѣніе, если хотите, пожертвуйте на общую пользу и идите работать на всѣхъ и «получите сокровище на небеси, тамъ гдѣ не кипятъ и не посягаютъ». Пойдите, какъ Власъ, у котораго

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

И, если не хотите сбирать, какъ Власъ, на храмъ Божій, то заботьтесь о просвѣщеніи души этого бѣдняка, свѣтите ему, учите его. «Если же у васъ на это духа не хватитъ, то сдѣлайте, что можете, и за то спасибо вамъ: муравьи тоже приносятъ свою пользу, и мелкія дѣла нисколько не мѣшаютъ крупнымъ. Мелкія дѣла, «палліативы» вредны только тогда, когда они замѣняютъ собою крупные или отвлекаютъ наше вниманіе въ сторону, замазывая прорѣхи. Но, если мелкія дѣла предоставить тѣмъ которые крупныхъ не сдѣлаютъ, то вреда не будетъ, а польза будетъ большая. Сколько мелкихъ, скромныхъ тружениковъ пропадаетъ даромъ только оттого, что они не хотятъ «камни тесать» и берутся за великія дѣла.... Намъ молъ подай все, или ничего». Полноте, господа! Работайте каждый на своемъ мѣстѣ, кто сколько можетъ, и повѣрьте, что ваша работа не пропадетъ даромъ. Вотъ основной принципъ народничества Достоевскаго. Онъ глубоко вѣрилъ въ то, что никакія общественныя условія не помѣшаютъ человѣку работать, если онъ серьезно хочетъ работать. Въ подтвержденіе справедливости этого мнѣнія я съ своей стороны могъ-бы привести массу примѣровъ.

Но народничество Достоевскаго имѣетъ еще и другое отличіе отъ другихъ народничествъ: оно имѣетъ національную окраску, которую хорошо понялъ рецензентъ «Мысли», г. Л. О., отозвавшійся слѣдующимъ образомъ о народничествѣ Достоевскаго: «Достоевскій смотрѣлъ на печать, говоритъ онъ, какъ на общественную дѣятельность. Скажемъ больше,—только имѣя то своеобразное воззрѣніе на печать, какое онъ имѣлъ, онъ и могъ держаться того направленія, какого онъ держался. На печать онъ смотрѣлъ, какъ на «представительство», какъ на извѣстнаго рода «печатный соборъ», съ правомъ совѣщательнаго голоса въ дѣлахъ общихъ........ Какую же группу русскаго народа онъ избралъ въ качествѣ излюбленной, представлять которую онъ сдѣлалъ задачей своей жизни, отдавъ ей свой геніальный талантъ, свой высокій умъ?

«Эта группа, или «партія», (какъ выразился-бы европеецъ), кото-

рую онъ взялся представлять и защищать была масса сѣраго *православнаго* крестьянства—*ни больше ни меньше*.... Одинъ критикъ замѣтилъ, что Достоевскій меньше всего описывалъ народъ, а потому молъ, странно его называть народникомъ. Если къ народничеству прилагать такой глубокомысленный критеріумъ, то наибольшимъ народникомъ, пожалуй, окажется актеръ Горбуновъ, ибо онъ описывалъ *только* народъ. Но читатели поймутъ, что можно проводить народный идеалъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, ограничившись по отношенію къ изображенію народа двумя-тремя основными типами; это Достоевскій и сдѣлалъ, какъ въ своемъ «Мертвомъ Домѣ», такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ».

Далѣе г. Л. О. весьма хорошо разъясняетъ, что преклоняться передъ «правдою народною», какъ это дѣлали Некрасовъ и Достоевскій, вовсе не значитъ перенимать предразсудки его. «Предразсудки и невѣжество народа», говоритъ онъ, «это вовсе не то, что его историческія, выработанныя вѣками, симпатіи, вѣрованія и идеи». Далѣе: «Народный характеръ, народный типъ и народные идеалы, конечно, могутъ быть и устойчивы и неустойчивы, но отчего это зависитъ? На это намъ отвѣтъ даетъ соціологія, даютъ и точныя естественныя науки. Соціологія намъ говоритъ, что легко измѣнять свой типъ могутъ юныя, неустановившіяся общины. А естественныя науки убѣждаютъ насъ, что это общій законъ для всѣхъ живыхъ организмовъ. Законъ этотъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекрасно формулированъ Геккелемъ, но, чтобы не ходить далеко, мы отсылаемъ читателя къ статьѣ Карла Фохта, напечатанной въ этой книжкѣ, («Мысль», Апрѣль 1881-го года), гдѣ неоспоримо доказывается, что организмы типическіе, установившіеся, дифференцировавшіеся, не могутъ уже, даже переходя изъ одной среды въ другую, измѣнять свою организацію и создавать новые органы. Ихъ функціи не могутъ уже эмигрировать на другіе органы, они только могутъ измѣнять функціи одного и того-же органа, приспособлять его къ новымъ условіямъ, напр. приспособлять жабры къ дыханію воздухомъ. Между тѣмъ организмы, еще не типизированные, не дифференцировавшіеся, создаютъ новые органы для той-же функціи. Спрашивается, можетъ-ли нашъ народъ назваться неустановившимся не принявшимъ ясный обликъ извѣстнаго типа? Неужели тысячелѣтняя его исторія—ничто?! Но предположимъ, что есть читатели, не признающіе возможности распространять выводовъ біологіи на яв-

ленія общественныя. Но неужели они не видятъ, обращаясь даже къ ежедневнымъ явленіямъ жизни, что только идеи, и идеалы ребенка могутъ легко измѣняться,—что человѣкъ зрѣлый не въ силахъ ихъ измѣнять, а можетъ развѣ только приспособлять къ новымъ условіямъ среды. Вѣдь идеи, чувства, идеалы человѣка, обусловлены организаціей человѣка; просмотрите въ этой-же книжкѣ статью Бастіана «Безсознательное знаніе», и вы убѣдитесь, что наши идеи, наши знанія имѣютъ въ источникѣ прямо и непосредственно организацію нервныхъ элементовъ. Какъ-бы ни была подвижна и неустойчива нервно-мозговая ткань, однако, мы знаемъ, что складъ ума, талантливость, и т. п. крайне устойчивы и передаются наслѣдственно. Итакъ, если идеалы общества, его чувства и вѣрованія суть явленія, тѣсно связанныя съ организаціей мозга у отдѣльныхъ единицъ, его составляющихъ,—организаціей устойчивой и передающейся наслѣдственно, то какъ-же можно отрицать великое значеніе народнаго и національнаго начала, характера, чувствъ, идеаловъ? Пройдетъ еще много вѣковъ, а они останутся. Посмотрите на самыя передовыя страны Европы. Франція, несмотря на цѣлый рядъ революцій съ атеистическимъ оттѣнкомъ, остается въ своихъ народныхъ массахъ тою-же католическою Франціею. Швейцарія, съ ея полной свободой слова прессы и государственной жизни остается вѣрной религіи предковъ. Американскіе янки точно также. Какой-же мечтатель можетъ сказать, что русскій народъ есть единственное исключеніе? А если онъ не исключеніе, если при этомъ вѣрно и то, что его идеалы политическіе тѣсно связаны съ его религіозными идеями, то какой-же мечтатель долженъ быть тотъ, кто воображаетъ что либо совершить для народа, игнорируя эти основныя черты его нравственной сущности? А если этого нельзя отрицать, то какъ-же можно не признать великаго значенія того писателя, который намъ намѣтилъ основныя черты нашего народнаго типа въ самыхъ его важнѣйшихъ функціяхъ, въ его религіозныхъ и политическихъ чувствахъ и притомъ намѣтилъ, не глумясь, не смѣясь,—это было-бы легко».

Только съ этой, т. е. съ народно-національной точки зрѣнія можно понять Достоевскаго, ибо онъ былъ народникомъ-націоналистомъ. Онъ былъ нетолько *народолюбцемъ*, желающимъ облагодѣтельствовать народъ, но и истиннымъ *народникомъ-націоналистомъ*, т. е. защитникомъ нетолько матеріальныхъ, но и духовныхъ

нуждъ народа, его національныхъ надеждъ и вѣрованій. Достоевскій смотрѣлъ на народъ не какъ инертную массу, которую нужно только поучать и вразумлять; онъ видѣлъ въ народѣ душу живую и понималъ исторію его. Онъ понималъ, что нашъ народъ, какъ и всякій другой имѣетъ свои историческія идеи вѣками выработанныя, хотя и не умѣетъ облечь эти идеи въ стройныя логическія формы. Онъ понималъ, что національныя стремленія народовъ также невозможно уничтожить, какъ нельзя уничтожить въ людяхъ стремленіе къ жизни, и потому онъ смотрѣлъ на народъ нашъ не какъ на собраніе недѣлимыхъ, а какъ на живой, цѣльный организмъ съ своими желаніями и потребностями. Поэтому онъ такъ внимательно относился къ стремленіямъ и нуждамъ народнымъ и старался быть выразителемъ ихъ. Онъ отлично понималъ идею органическаго развитія и потому не считалъ возможнымъ пренебрегать чувствами и стремленіями большинства. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ славянофиломъ въ лучшемъ значеніи этого слова; но не слѣдуетъ смѣшивать его славянофильство съ славянофильствомъ «Руси». Политическія и экономическія воззрѣнія Достоевскаго можно скорѣе назвать облагороженнымъ русскимъ лассальянствомъ, очищеннымъ отъ всякой буржуазной примѣси. Можно не соглашаться съ возрѣніями Достоевскаго; но нельзя отрицать того, что онъ въ своихъ возрѣніяхъ на значеніе и роль государства оказался гораздо прогрессивнѣе нашихъ космополитовъ, анархизмъ которыхъ есть въ сущности логическое развитіе буржуазной теоріи: «Laissèz faire, laissez passer». Дѣйствительно анархизмъ только по недоразумѣнію могъ быть воспринятъ нѣкоторыми французскими и большинствомъ русскихъ соціалистовъ. Государство, служившее только для охраненія безопасности гражданъ, естественно потеряетъ всякій смыслъ, если оно не охраняетъ ее, или эта охрана является излишнею. Но государство, какъ помощникъ народа въ борьбѣ съ буржуа, не должно быть упразднено, а напротивъ должно быть всячески оберегаемо и укрѣпляемо. Итакъ вся суть не въ томъ, должно-ли быть вообще государство, или нѣтъ, а въ томъ, *какая форма государства наиболѣе способна содѣйствовать экономическому и духовному преуспѣянію большинства*, какая форма государства способна защищать слабыхъ и беззащитныхъ отъ сильныхъ и притѣснителей. О томъ, какова эта наилучшая форма государства могутъ быть споры; но нельзя отрицать необходимость государствъ вообще, ибо всегда будутъ слабые и сильные, умные и глу-

ные, добрые и злые, и т. д., т. е. живые люди а не абстракціи; а живые люди всегда будутъ ссориться и притѣснять другъ друга и потому надежда на жизнь безъ государства утопія. Возрѣнія на государство переживали три фазиса: въ *первомъ* фазисѣ на государство смотрѣли, какъ на внѣшнюю принудительную силу, во *второмъ* стали постепенно ослаблять значеніе государства и наконецъ дошли до полнаго отрицанія необходимости государства, но въ *третьемъ* (нынѣшнемъ) фазисѣ вновь начинаютъ сознавать необходимость союза, общинъ, ассоціацій нетолько мелкихъ, но и крупныхъ, которыя на основаніи племеннаго родства и единства культуры могли-бы образовать то, что называется теперь *національнымъ*, т. е. единоплеменнымъ государствомъ. (Исторія этого вопроса совершенно объективно изложена въ извѣстной книгѣ профессора А. Градовскаго «Національный Вопросъ въ Исторіи и Литературѣ»). Конечно многимъ покажется страннымъ, что даже анархисты наши оказываются недостаточно прогрессивны: но тѣмъ не менѣе это такъ, и ихъ народничество въ политическомъ отношеніи несостоятельно.

Теперь читателю станетъ понятно, какое славянофильство мы отстаиваемъ и почему мы считаемъ ошибочнымъ мнѣніе г. Златовратскаго о необходимости замѣненія славянофильства «новымъ народничествомъ», которое въ сущности есть только часть истиннаго славянофильства. Славянофильство не слѣдуетъ понимать узко, въ смыслѣ славянофильства г. Аксакова: славянофильство, какъ мы уже сказали раньше (въ первой главѣ), не есть ученіе отдѣльнаго кружка или партіи: оно можетъ быть и консервативнымъ, и либеральнымъ, и радикальнымъ и т. д. Есть только два признака, по которымъ можно узнать всякое славянофильство: оно всегда *національно* и *религіозно*, понимая религіозность въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Всякій славянофилъ во первыхъ націоналистъ и патріотъ, а во вторыхъ вѣритъ въ нравственные идеалы и мораль Христа.

Изъ этихъ двухъ признаковъ всѣхъ направленій славянофильства можно вывести очень многое: ихъ теорію о необходимости самобытности (при чемъ самыя воззрѣнія на самобытность могутъ быть различны) съ одной стороны и о федераціяхъ единоплеменныхъ народовъ съ другой, ихъ горячую защиту объективной нравственности и теорію о связи между религіозными и общественными идеалами и о зависимости вторыхъ отъ первыхъ.

Изучая въ народѣ душу живую, славянофилы положили у насъ

начало новому направленію въ исторіи, которое даже противники ихъ не могутъ не одобрить: славянофилы вопервыхъ опровергли теорію родоваго быта, а вовторыхъ замѣнили исторію «Государства Россійскаго» исторіею *народа* русскаго, его стремленій и вѣрованій и прогрессивнаго развитія. Теперь врядъ-ли можно найти хоть одного историка, отстаивающаго устарѣлыя взгляды Карамзина и Соловьева. Правда нѣкоторые славянофилы въ своемъ стремленіи отстоять царскую власть впали въ крайность; но нельзя отрицать, что въ пользу ихъ воззрѣній говоритъ масса фактовъ. Царь дѣйствительно являлся въ древней Руси помощникомъ народа въ борьбѣ его съ сильными людьми и помѣшалъ образованію у насъ сильной аристократіи и буржуазіи. Это надо помнить при обсужденіи вопроса о собирательной миссіи московскихъ царей, положившихъ конецъ междоусобіямъ князей, которые никогда не могли-бы образовать прочной федераціи, какъ справедливо доказываетъ это въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нашъ извѣстный историкъ г. Забѣлинъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать очевиднаго факта, что въ то время, когда въ Англіи образовалась сильная аристократія, во Франціи рыцари и короли были замѣнены еще болѣе опасными врагами народа—буржуа, въ Россіи царская власть нетолько помогла упроченію русской народности и освобожденію ея отъ чужеземнаго гнета, но ослабила и внутреннихъ враговъ народа (бояръ и другихъ сильныхъ людей) и помѣшала образованію у насъ сильной аристократіи и плутократіи.

Кромѣ того, даже не соглашаясь съ этимъ взглядомъ, нельзя отрицать того, что народъ такъ именно смотритъ на царскую власть не смотря на то, что цари со временъ Бориса и Петра стали смотрѣть на народъ какъ на инертную, косную массу, которую нужно поучать и вразумлять. Народъ не обвинялъ царя и всю вину сваливалъ на помощниковъ его, а свое горемычное положеніе выражалъ лишь въ заунывныхъ пѣсняхъ да въ грустной поговоркѣ: «до Бога высоко, а до царя далеко». Такое воззрѣніе народа нельзя игнорировать тѣмъ, которые желаютъ воздѣйствовать на него, и потому Достоевскій былъ правъ, напоминая объ этомъ молодежи. Но онъ видѣлъ въ народѣ и другіе идеалы, которые сквозятъ сквозь религіозныя воззрѣнія его. Вотъ какъ Достоевскій даетъ намъ понять объ этомъ: «Народъ русскій», говоритъ онъ, «въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеею православія, хотя и не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно. *Въ сущности* въ народѣ нашемъ кромѣ этой «идеи»

и нѣтъ никакой, и все изъ нея одной и выходитъ, по крайней мѣрѣ народъ нашъ такъ хочетъ всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. Онъ именно хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой лишь одной идеи и исходило. И это, не смотря на то, что многое у самого-же народа является и выходитъ до нелѣпости не изъ этой идеи, а смраднаго, гадкаго. преступнаго, варварскаго и грѣховнаго. Но и самые преступникъ и варваръ, хоть и грѣшатъ, а все-таки молятъ Бога, въ высшія минуты духовной жизни своей, чтобы пресѣкся грѣхъ ихъ и смрадъ. и все-бы выходило опять изъ той излюбленной «идеи» ихъ. Я знаю, надо мною смѣялись наши «интеллигентные» люди: «той идеи» даже и признавать они не хотятъ въ народѣ, указывая на грѣхи его, на смрадъ его (которымъ сами-же они виной были, два вѣка угнетая его), указываютъ на предразсудки, на индиферентность будто-бы народа къ религіи, а иные такъ даже воображаютъ, что русскій народъ просто-на-просто атеистъ. Вся глубокая ошибка ихъ въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ Церкви. Я не про зданія церковныя теперь говорю, и не про причты: я про нашъ русскій «соціализмъ» теперь говорю, и это обратно противоположное Церкви слово беру именно для разъясненія моей мысли, какъ ни показалось-бы это страннымъ),— цѣль и исходъ котораго всенародная и вселенская церковь, осуществленная поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущую великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во имя Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созиждилась еще церковь вполнѣ, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣлѣ, то все-таки инстинктъ этой церкви и неустанная жажда ея, иной разъ даже почти безсознательная, въ сердцѣ многомилліонаго народа нашего несомнѣнно присутствуетъ..... Онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концевъ *всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово.* Вотъ нашъ русскій соціализмъ!..... О, есть много и другихъ «идей» въ народѣ.... Но теперь я объ этой лишь главной идеѣ народа нашего говорю, объ чаяніи имъ грядущей и зиждущейся въ немъ судьбами Божьями, его церкви вселенской. И тутъ прямо можно поставить формулу: кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его православія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойметъ и самаго народа нашего. Мало того, тотъ не можетъ и любить народа русскаго (а у многихъ вѣдь изъ нихъ, изъ европейцевъ-то на-

шихъ сердце чистое, справедливости и любви жаждущее), а будетъ любить его лишь такимъ, какимъ-бы желалъ его видѣть и какимъ себѣ не представитъ его....... Никогда народъ не приметъ такого русскаго европейца за своего человѣка: «полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно таковъ, какъ и я, мой братъ, не смотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство и что даже и по русскому-то иной разъ сказать хорошо не умѣешь,—вотъ что вамъ скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ. Онъ и невѣрующаго въ его святыню хорошаго человѣка иной разъ почтитъ и полюбитъ, выслушаетъ его, если тотъ уменъ, за совѣтъ поблагодаритъ и совѣтомъ воспользуется. Ужиться народъ русскій со всякимъ можетъ, ибо много видалъ видовъ, многое замѣтилъ и запомнилъ въ долгую, тяжелую жизнь свою двухъ послѣднихъ вѣковъ. (А вотъ вы даже и съ этимъ не соглашаетесь, что онъ многое запомнилъ и замѣтилъ, а стало быть и созналъ, и что стало быть не совсѣмъ же онъ только косная масса и платежная сила, какъ вы его опредѣлили). Но ужиться и даже любовно ужиться съ человѣкомъ дѣло одно, а *своимъ* человѣкомъ признать его—это совсѣмъ уже другое. А безъ этого признанія не будетъ и единенія. Я лишь то хочу выразить, что силы, разъединяющія насъ съ народомъ, чрезвычайно велики, и что народъ остался одинъ въ великомъ единеніи своемъ, и кромѣ Царя своего, въ котораго вѣруетъ нерушимо,—ни въ комъ и нигдѣ опоры теперь уже не чаетъ и не видитъ. И радъ-бы увидѣть, да трудно ему разглядѣть. А между тѣмъ, — о, какая-бы страшная, зиждительная и благословенная сила, новая, совсѣмъ уже новая сила явилась-бы на Руси, если бы произошло у насъ единеніе сословій интеллигентныхъ съ народомъ!... «Да, но какъ это сдѣлать, и неужели-же виною тому европейское просвѣщеніе?» О, совсѣмъ не просвѣщеніе, да, по правдѣ, его у насъ и нѣтъ вовсе даже доселѣ, а разъединеніе-то все-таки пребываетъ и дѣйствительно вышло, какъ-бы во имя европейскаго просвѣщенія, котораго нѣтъ у насъ. Но настоящее просвѣщеніе тутъ не виновато. Я даже такъ думаю: будь у насъ настоящее, заправское просвѣщеніе, то и разъединенія-бы никакого не произошло у насъ вовсе, потому что и народъ просвѣщенія жаждетъ. Но улетѣли мы отъ народа нашего, просвѣтясь, на луну и всякую дорогу къ нему потеряли. Какъ же намъ такимъ отлетѣвшимъ людямъ брать на себя заботу оздоровить народъ? Какъ сдѣлать, чтобы духъ народа, тоскующій и обез-

покоенный повсемѣстно, ободрился и успокоился? Вѣдь даже самые капиталы и движеніе ихъ *нравствсннаго* спокойствія ищутъ, а безъ нравственнаго спокойствія или прячутся, или непроизводительны. Какъ сдѣлать, чтобы духъ народа успокоился въ правдѣ и видя правду? Можетъ быть правда-то есть и теперь, но надо, чтобы онъ ей повѣрилъ. Какъ вложить въ его душу, что правда есть въ русской землѣ, и что высоко стоитъ ея знамя...... Если-бы только хоть обезпечена была правда народу въ будущемъ, такъ чтобы онъ вполнѣ увѣровалъ, что придетъ она непремѣнно, еслибъ только хоть капельку выбралась муха изъ тарелки съ патокою, то и тогда-бы совершилось дѣло великое, неисчислимое. Прямо скажу: вся бѣда отъ давняго разъединенія высшаго интеллигентнаго сословія съ низшимъ, съ народомъ нашимъ». (IV-ая глава «Дневника Писателя», съ 13-й стр.).

Вотъ каково «православіе» Достоевскаго и славянофиловъ. Это не суевѣрное ханжество фанатическихъ, полубезумныхъ «мистиковъ», а здравое отношеніе къ популяризаціи великихъ идей. Достоевскій и вообще всѣ славянофилы понимаютъ, что безъ религіи народъ пропадетъ и не хотятъ подрывать эту религію, хотя сами они не признаютъ клерикальнаго деспотизма и, напротивъ, отстаиваютъ полную свободу совѣсти. Что славянофилы стоятъ за полную свободу совѣсти и свободу слова, видно изъ любой статьи И. С. Аксакова въ «Руси», изъ стихотвореній покойнаго К. С. Аксакова, печатаемыхъ тамъ, и т. д.; даже незнакомый съ славянофильствомъ читатель «Руси» можетъ убѣдиться въ этомъ, всякій разъ, какъ онъ внимательно прочитаетъ любой изъ нумеровъ газеты «Русь».

Но есть еще обвиненіе, болѣе тяжкое, которое выставляютъ противъ славянофиловъ нашего времени, органомъ которыхъ является «Русь». Говорятъ, что славянофилы отрекаются отъ преданій прошлаго, отъ служенія народу и подаютъ руку г. Каткову; указываютъ на статьи г. Земледѣльца и г. Дмитрія Самарина, какъ-то попавшія въ «Русь» и дѣйствительно написанныя въ не совсѣмъ славянофильскомъ, т. е. демократическомъ духѣ. Но, во-первыхъ, письма въ редакцію г. Земледѣльца, которыя особенно не понравились публикѣ, не суть выраженія мнѣній редакціи «Руси». «Русь» помѣщаетъ теперь у себя статьи профессора Тарасова, извѣстнаго защитника теоріи недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, и слѣд. вовсе не ищетъ союза съ противниками Янсона и князя Васильчикова. Князь Васильчиковъ, знаменитый творецъ «Землевладѣнія и Земледѣлія», самъ

славянофилъ, и потому теорія о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ собственно славянофильскаго происхожденія, также какъ и теорія, признавшая необходимость сельской общины и подготовившая отмѣну крѣпостнаго права. Покойный Юрій Самаринъ больше всѣхъ работалъ надъ проэктомъ освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землю. Только въ защиту его теоріи выступилъ съ своими статьями г. Дмитрій Самаринъ, который собственно не возражаетъ противъ теоріи недостаточности надѣловъ, а полемизируетъ съ г. Янсономъ больше по вопросамъ о кредитѣ и о лучшихъ формахъ его.

Итакъ, никакого «крѣпостничества» въ статьяхъ г. Самарина нѣтъ; а за статьи г. Земледѣльца редакція «Руси» не отвѣтственна. Но если-бы даже и оказалось, что статьи г. Самарина написаны въ духѣ не совсѣмъ демократическомъ; то значитъ-ли это, что г. Аксаковъ не демократъ? Развѣ г. Стасюлевичъ не либералъ, оттого что онъ разъ какъ-то помѣстилъ далеко не либеральную статью графа Орлова-Давыдова о необходимости отнять у нашихъ крестьянъ ихъ послѣднюю землю и сдѣлать ихъ батраками и пролетаріями для служенія господамъ помѣщикамъ и капиталистамъ? Развѣ Достоевскій пересталъ быть демократомъ, оттого что онъ помѣстилъ одну, двѣ статьи въ «Гражданинѣ», когда другія газеты не принимали его статей? и т. д. Развѣ вообще одна статья или одинъ поступокъ можетъ характеризовать человѣка или журналъ? Если-бы мы искали человѣка безъ грѣха, то давно уже впали-бы въ отчаянье и должны бы отъ всѣхъ отвернуться, и прежде всего отъ самихъ себя? Да развѣ Некрасовъ былъ безъ грѣха? Развѣ «Отечественныя Записки» безупречны въ либеральномъ отношеніи, и развѣ разоблаченія гг. Жуковскаго и Антоновича не имѣли значенія въ этомъ смыслѣ? Полноте-те, господа. Кто безъ грѣха, тотъ пусть первый броситъ камнемъ въ лицо Ивана Сергѣевича Аксакова, или покойнаго Достоевскаго? А у кого дрогнетъ рука, тотъ пусть подумаетъ о себѣ. Не раздоры и вражда нужны обществу въ данную минуту, а любовь и всепрощенье, единеніе и союзъ. Иначе распадется наше бѣдное общество, и пошатнется наша общественная жизнь. Не вражду теперь нужно раздувать, а силы собирать и подавать братьямъ руку.

Тяжелыя времена мы переживаемъ, и мало насъ. Поэтому не будемъ раздражаться и не будемъ ослаблять другъ друга безплодною борьбою. Если намъ не дали все еще, то будемъ пользоваться тѣмъ, что есть, и постараемся быть полезными каждый на своемъ мѣстѣ.

*

Славянофилы могутъ быть полезны своею честностью, искренностью и прогрессивнымъ духомъ. Но чтобы понять ихъ, надо откинуть предубѣжденія, и надо честно служить съ ними за одно въ пользу одного общаго дѣла. Слафянофилы не аристократы, а демократы, и лучшіе органы ихъ всегда служили народной идеѣ. «Русская Мысль» г. Юрьева служитъ образчикомъ одного изъ подобныхъ журналовъ. Наши лучшіе ученые и историки-спеціалисты почти всѣ славянофилы: профессора Ор. Ѳ. Миллеръ, Соловьевъ, Замысловскій, Бестужевъ-Рюминъ, Забѣлинъ, Иловайскій, московскій профессоръ Бѣляевъ и т. д.—всѣ славянофилы. Наши газеты начинаютъ мало по малу становиться славянофильскими, и даже либеральный «Голосъ» и космополитъ г. Градовскій начинаютъ говорить въ національномъ духѣ славянофиловъ. Либеральная «Недѣля» давно уже стала говорить въ русскомъ духѣ, а неукротимый, насмѣшливый Мефистофель—г. Незнакомецъ изъ отчаяннаго космополита Коршевскаго пошиба сдѣлался истинно русскимъ человѣкомъ и даже успѣлъ за это получить названіе «отступника» отъ нашихъ псевдо-либеральныхъ крикуновъ. «Историческій Вѣстникъ» тоже начинаетъ проводить новыя идеи, и мишурный блескъ нашего лже-либерализма начинаетъ все болѣе и болѣе тускнѣть. Но общество наше, и въ особенности петербургское, далеко еще не отрезвилось отъ псевдо-либеральнаго кошмара, и правдивые голоса всей Россіи не долетаютъ до полунѣмецкаго-получухонскаго Петербурга. «Новое Время» не такъ распространено здѣсь, какъ во всей остальной Россіи, а «Современныя Извѣстія», «Кіевлянинъ» и вообще русскія патріотическія газеты почти не получаются здѣсь. Мы такъ сжились съ нашимъ казеннымъ либерализмомъ, что дальше его ничего не видимъ и не видимъ, что онъ есть лишь одна изъ сторонъ ученія о свободѣ и долженъ уступить мѣсто новому ученію о свободѣ, которое болѣе широко и всеобъемлюще.

Ученіе о свободѣ заключаетъ въ себѣ не только свободу отдѣльныхъ личностей, т. е. освобожденіе ихъ отъ гнета окружающихъ условій экономическихъ и соціальныхъ, но и ученіе о свободѣ національностей и о ихъ свободномъ союзѣ, или федераціи, о ихъ взаимной помощи и о совмѣстномъ движеніи по пути прогресса и преуспѣянія, т. е. о національномъ ростѣ и о національной самобытности.

У насъ съ легкой руки г. Михайловскаго привыкли противополагать національные интересы народнымъ и находить въ нихъ лишь

разногласіе и вражду. Но исторія опровергаетъ этотъ взглядъ и показываетъ, что временное нарушеніе народныхъ правъ ради государственнаго и національнаго единства не есть вѣчное нарушеніе этихъ правъ, и народъ, объединившись и національно сплотившись, образуетъ болѣе грозную силу, съ которою серьезнѣе приходится считаться врагамъ его внѣшнимъ и внутреннимъ.

Сѣверо-американскіе штаты, освободившись отъ гнета англичанъ, нисколько не пострадали черезъ это, а напротивъ, поднялись и укрѣпились, и свобода даровала имъ новую жизнь и новое счастье. Италія, объединившись благодаря генію Кавура, нисколько не пострадала черезъ это; а Гарибальди не сталъ «квасным» патріотомъ оттого, что стоялъ за независимость Италіи и за ея національный ростъ. Но все это хорошо только для другихъ, а намъ русскимъ не позволяется быть патріотами, и будь Гарибальди у насъ, его навѣрное назвали-бы «шовинистомъ», или «квасным» патріотомъ. Ужъ такъ у насъ умъ созданъ, что никакъ мы не умѣемъ обнять какую нибудь идею во всей ея полнотѣ: а ухватимся за одну сторону вопроса—упустимъ ту, которую раньше имѣли въ рукахъ. Вообще, односторонность есть исключительное свойство нашего политически незрѣлаго и философски неподготовленнаго ума. Даже славянофилы не избѣгли нѣкоторой односторонности, слишкомъ ужъ презирая «гнилой» Западъ; а петербургскіе либералы извѣстнаго пошиба до того опошлились, до того изолгались, что имъ самимъ на себя смотрѣть совѣстно. Я праведниковъ не трогаю, какъ говоритъ Достоевскій; я лишь о мелкотравчатыхъ говорю, но таковыхъ милліоны. Газета «Молва» служила однимъ изъ притоновъ подобныхъ господъ. Конечно были и у нея сотрудники талантливые, честные и достойные уваженія, какъ напр. г. Острогорскій; но таковыхъ немного, и не они давали тонъ и направленіе газетѣ. Озлобленіе противъ всего русскаго и національнаго доводило «Молву» до самыхъ нелѣпыхъ абсурдовъ: она осмѣивала не только «квасной» но и истинный патріотизмъ, нетолько «шовинизмъ», но и истинный національзмъ Достоевскаго. А г. Аксаковъ съ своею «Русью» просто не давалъ покоя имъ, и они писали о немъ всякій вздоръ. Вотъ, что писалъ о г. Аксаковѣ г. Буква въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ фельетоновъ: «Читатель имѣетъ твердое намѣреніе, во-первыхъ, встрѣтиться у г. Аксакова съ перечнемъ тѣхъ условій, которыя должны окружать общество, а во-вторыхъ—узрѣть передъ собою путь прогрессивнаго, легкаго, свободнаго и даже удобнаго движенія къ преуспѣянію. Чего-

же больше и чего-же лучше? Задача, достойная оракула-редактора и самаго просвѣщеннаго подписчика--философа. Первый объяснитъ покажетъ, второй—пойметъ, усвоитъ и одобритъ,—чѣмъ и рѣшится самая почетная задача типографской машины Бауэра и К° въ Аугсбургѣ»! (??). Что это за типографская машина Бауэра и К° въ Аугсбургѣ и какое намъ дѣло до Аугсбурга и до типографскихъ машинъ, находящихся тамъ? Пусть это намъ разъяснитъ г. Буква. Невольно приходится повторить за нимъ, но уже относительно его: «пораженные, задавленные умы, потерявъ обычное, вседневное равновѣсіе, бьются точно птица въ клѣткѣ и исчезаютъ въ темени». И дѣйствительно, бѣдный г. Буква, напуганный, вѣроятно, ложнымъ слухомъ, что его собираются прибить какіе-то пріѣхавшіе изъ Москвы, начинаетъ бредить Москвою и говорить о ней всякій вздоръ. Онъ говоритъ, что Москва хочетъ, чтобы въ Россіи были соединенные уѣздные штаты (?!), что «нужно обновленіе, вознесеніе, одухотвореніе и облагороженіе Лугъ и Кромъ, Елабугъ и Стерлитамаковъ, хотя-бы на маперъ Аѳинъ, или Спарты», и т. д., и т. д., все въ томъ-же родѣ. Бѣдный г. Буква! Свихнулся совсѣмъ! А вѣдь писалъ онъ прежде бойко и хлестко, а теперь вотъ лепечетъ безсвязно что-то, да потомъ прибавляетъ, что у «алжирскаго бея шишка на носу».

Но кромѣ этихъ выдохшихся, исписавшихся фельетонистовъ, есть и болѣе серьезные люди, не желающіе искать примиренія съ славянофилами и воображающіе, что славянофилы стоятъ противъ всякаго либерализма, хотя славянофилы весьма ясно говорятъ, что они стоятъ только противъ «петербургскаго» либерализма, который г. Аксаковъ называетъ пошлымъ. Къ числу, такихъ противниковъ славянофиловъ можно отнести газету «Голосъ», которая недавно (№ 72) увѣщевала славянофиловъ не отстаивать старину. На это «Русь» очень резонно отвѣтила, что славянофилы не защитники ретроградства и не желаютъ возвращенія Россіи вспять. Славянофилы желаютъ, напротивъ, обезпечить нашъ прогрессъ и движеніе впередъ, стараясь ускорить наступленіе новаго періода нашей исторіи—русскаго, національно-просвѣщеннаго, который соединилъ-бы въ себѣ лучшія стороны допетровскаго и петровскаго періода, т. е. соединилъ-бы въ себѣ просвѣщеніе Петра съ свободными земскими учрежденіями и національнымъ духомъ древней Руси.

Первый періодъ русской исторіи (московскій) «Русь» сравнивала съ *тезисомъ* Гегеля, второй (петербургскій) съ *антитезисомъ*, а тре-

тій, наступающій періодъ (русскій) съ *синтезисомъ*, т. е. «Русь» признала, что и наша родина подчиняется тому всемірноисторическому закону, который Гегель назвалъ діалектическимъ и на основаніи котораго человѣческія общества переживаютъ три фазиса развитія: въ первомъ фазисѣ общество, или государство впадаетъ въ одну крайность, напр. Россія въ теченіи московскаго періода впала въ крайность исключительнаго націонализма и слишкомъ закупорила себя отъ вѣяній запада; во второй періодъ общество впадаетъ въ другую крайность — противоположную первой. Россія во второй періодъ (петербургскій) впала въ противоположную крайность и, ради благъ европейскаго просвѣщенія, отреклась отъ своей народности. Третій періодъ есть періодъ примиренія противорѣчій двухъ предъидущихъ періодовъ, и Россія теперь должна соединить просвѣщеніе петербургскаго періода съ національною самобытностью и свободнымъ земскимъ духомъ древней Россіи. Кажется, смыслъ этого объясненія довольно понятенъ; но нашлись чудаки, которые ухитрились не понять этого столь простаго указанія на историческій фактъ. «Московскій Телеграфъ» смѣется надъ этими словами «Руси» и хочетъ дать понять, что славянофилы не имѣютъ права признавать историческіе законы, открытые не русскими. Такое разсужденіе настолько наивно, что на него не стоило бы отвѣчать; но многіе у насъ воображаютъ, что славянофилы въ самомъ дѣлѣ проповѣдуютъ подобную чушь, и потому приходится объяснить слѣдующую азбучную истину: славянофилы никогда не говорили, что Россія какое-то особое государство во всемъ мірѣ и не подчиняется ни одному изъ законовъ общечеловѣческаго развитія. Они только утверждали и утверждаютъ, что русское государство было основано не на правѣ насилія, и въ этомъ отношеніи признавали большую разницу въ ходѣ нашего и западноевропейскаго развитія. Но славянофилы никогда не отрицали, что есть общечеловѣческіе историческіе законы, которымъ подчиняется и наша исторія, и никогда не думали отрицать этихъ законовъ потому только, что они открыты не русскими, а западноевропейскими мыслителями. Выраженіе «гнилой Западъ» относилось не къ западноевропейской наукѣ, а къ западноевропейскому экономическому строю, который устарѣлъ и долженъ уступить мѣсто новому начинающему у насъ упрочиваться строю, благодаря которому наши крестьяне одѣлены землею, а наше самоуправленіе

не буржуазно. Но это нисколько не противорѣчитъ тому, что у насъ нѣтъ еще истиннаго просвѣщенія, того просвѣщенія, которое Достоевскій называлъ «заправскимъ», и мы многому можемъ поучиться у Запада. Славянофилы никогда не отрицали этого и не умаляли значенія великой реформы Петра, который прорубилъ намъ окно въ Европу. Вотъ что говоритъ о Петрѣ одинъ изъ главныхъ разъяснителей славянофильства, покойный Хомяковъ. «Когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго государственнаго тѣла; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ. Явился Петръ и по какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное, святое значеніе слова «государство», ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей-воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ кельяхъ и поборахъ по городамъ, и забывающимъ церковь и человѣчество и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится исторія?» Эти слова одного изъ главныхъ учителей славянофильства показываютъ, что славянофилы не осуждали реформу Петра даже въ государственномъ отношеніи, а относительно просвѣтительнаго значенія его миссіи никто изъ нихъ никогда и не поднималъ спора. Была рѣчь только о томъ, что помощники Петра были недостойны его, а преемники его не съумѣли возстановить свободу русскаго народа, подавленную ради реформаторскихъ цѣлей Петра. Была также рѣчь о томъ, что мы, перенимая западноевропейское просвѣщеніе и нравы, нисколько не измѣнялись въ душѣ и, надѣвъ европейскіе кафтаны и сбривъ бороды, не перестали быть дикарями внутри, какъ объ этомъ вѣрно сказалъ Наполеонъ, который сказалъ: grattez un peu le russe,—vous y trouverez un tartare». Противъ этого-то обезьянства и возставали славянофилы, которые никогда не отрекались отъ плодовъ науки, гдѣ-бы она ни была разработана, — въ Греціи или въ Западной Европѣ.

Они только говорили нашимъ европейничающимъ «либераламъ»: «когда съ умомъ перенимать, тогда не трудно и пользу отъ того сыскать; но безъ ума перенимать, и Боже сохрани, какъ худо». Между тѣмъ, эта борьба славянофиловъ противъ европейничанья была сочтена многими за борьбу противъ западной науки, и были чудаки, которые думали, что славянофилы будутъ отрицать законъ тяготѣнія Ньютона, оттого что онъ открытъ англичаниномъ Ньютономъ. Но вѣдь такихъ чудаковъ остается только или отправить въ сумасшедшій домъ, или просто поучить, какъ мальчиковъ» и посовѣтовать имъ прежде, чѣмъ другихъ поучать, самимъ поучиться. Такой совѣтъ не мѣшало бы преподать и наивному «Московскому Телеграфу», который удивляется тому, что г. Аксаковъ признаетъ историческій законъ, открытый *нѣмцемъ* Гегелемъ, который только «ученою» редакціею «Московскаго Телеграфа» сданъ въ архивъ.

Итакъ, читателю все болѣе и болѣе должно выясниться, что славянофиловъ не понимаютъ у насъ, а славянофильство и подавно; ибо не слѣдуетъ смѣшивать того и другаго: И. С. Аксаковъ славянофилъ одного лагеря, а покойный Достоевскій и издатель «Русской Мысли», г. Юрьевъ, славянофилы другаго рода. Г. Златовратскій неправъ, говоря, что славянофилы «Русской Мысли» перестали быть славянофилами, т. е. націоналистами, но онъ правъ, указывая на различіе между славянофильствомъ «Русской Мысли» и славянофильствомъ «Руси». Газета «Русь» есть воплощеніе Руси со всѣми ея достоинствами и недостатками, а «Русская Мысль» есть дѣйствительно органъ русской мысли, т. е. русской интеллигенціи, той части ея, которая не отрекается отъ народности своей и признаетъ самобытность русской мысли и самостоятельный ходъ русской исторіи, въ которой наше общинное устройство явилось не только исходнымъ пунктомъ, какъ у другихъ народовъ, но и теперь составляетъ суть нашей народной жизни и должно лечь въ основу нашего государственнаго устройства.

Къ числу славянофиловъ новаго направленія, т. е. славянофиловъ «Русской Мысли», слѣдуетъ отнести и покойнаго Достоевскаго, который никогда не приставалъ къ лагерю гасильниковъ русской мысли и народничество котораго вполнѣ совпадало съ новымъ народничествомъ. Слѣдующія слова Достоевскаго достаточно убѣдятъ въ этомъ всякаго, даже предубѣжденнаго читателя.

«Я, напримѣръ», говоритъ Достоевскій, вѣрю, какъ въ экономическую аксіому, что не желѣзнодорожники, не промышленники, не милліонеры, не банки, не жиды *обладаютъ* землею, а прежде всѣхъ лишь одни земледѣльцы; что кто обработываетъ землю, тотъ и ведетъ все за собою, и что земледѣльцы и суть государство, ядро, его сердцевина. А такъ-ли у насъ, не на выворотъ-ли въ настоящую минуту, гдѣ наше ядро и въ комъ? Не желѣзнодорожникъ-ли и жидъ владѣютъ экономическими силами нашими? Вотъ у насъ строятся желѣзныя дороги, и опять фактъ, какъ ни у кого: Европа чуть не полвѣка покрывалась своею сѣтью желѣзныхъ дорогъ, да еще при своемъ-то богатствѣ. А у насъ послѣднія пятнадцать-шестнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ десять лѣтъ выстроились, да еще при нашей-то нищетѣ и въ такое потрясенное экономически время, сейчасъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права! И уже, конечно, всѣ капиталы перетянули къ себѣ тогда, когда земля жаждала въ нихъ наиболѣе. На разрушенное землевладѣніе и создались желѣзныя дороги. А разрѣшенъ-ли у насъ до сихъ поръ вопросъ о единичномъ, частномъ землевладѣніи? Уживется-ли впредь оно рядомъ съ мужичьимъ, съ опредѣленною рабочею силою, но здоровой и твердой, а не на пролетаріатѣ и кабакѣ основанной? А безъ здраваго рѣшенія этого вопроса,—что-же здраваго выйдетъ? Намъ именно здравыя рѣшенія необходимы,—до тѣхъ поръ не будетъ спокойствія, а вѣдь только спокойствіе есть источникъ всякой силы. Какъ же спрашивать у насъ теперь европейскихъ бюджетовъ и правильныхъ финансовъ? Тутъ уже не въ томъ вопросъ, почему у насъ нѣтъ европейской экономіи и хорошихъ финансовъ, а вопросъ лишь въ томъ, какъ еще мы устояли». («Дневникъ Писателя». Январь 1881 г. 6 стр.).

«Посмотритъ иной простакъ кругомъ себя и вдругъ выведетъ, что одному-де кулаку и міроѣду житье, что какъ будто для нихъ все и дѣлается. Такъ стану-де и я кулакомъ,—и станетъ. Другой, посмирнѣе, просто сопьется..... Вопъ высчитали, что у народа, теперь, въ этотъ мигъ чуть-ли не два десятка начальственныхъ чиновъ, спеціально къ нему опредѣленныхъ, надъ нимъ стоящихъ, его оберегающихъ и опекающихъ. И безъ того уже бѣдному человѣку всѣ и всякій начальство, а тутъ еще двадцать штукъ спеціальныхъ! Свобода-то движенія ровно какъ у мухи, попавшей въ тарелку съ патокою». («Д. П.». Январь, 12-ая стран.). «Ищетъ народъ правды и выхода къ ней без-

прерывно, и все не находитъ. Хотѣлось-бы мнѣ ограничиться тутъ лишь финансовой точкой взгляда на эту болѣзнь, но придется прибавить и нѣсколько старыхъ словъ. Съ самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости явилась въ народѣ потребность и жажда чего-то новаго, уже не прежняго, жажда правды, но уже полной правды, полнаго гражданскаго воскресенія своего въ новую жизнь, послѣ великаго освобожденія его. Послѣ перваго періода посредниковъ перваго призыва, наступило вдругъ нѣчто иное, чѣмъ ожидалъ народъ. Наступилъ порядокъ, въ который народъ и радъ былъ увѣровать, но мало что̀ въ немъ понималъ. Не понималъ онъ его, терялся, а потому и не могъ увѣровать. Являлось что-то внѣшнее, что-то какъ-бы ему чуждое и не его собственное..... Явилось затѣмъ безшабашное пьянство, пьяное море какъ-бы разлилось по Россіи, и хоть свирѣпствуетъ оно и теперь, но все-таки жажды новаго, правды новой, правды уже полной народъ не утратилъ, упиваясь даже и виномъ........ Ну, развѣ не волнуется народъ разными необычными слухами о передѣлѣ, напримѣръ, надѣловъ, о новыхъ золотыхъ граматахъ? Недавно имъ читали по церквамъ, чтобы не вѣрили, что ничего не будетъ, и вотъ, вѣрите-ли: именно послѣ этого чтенія и утвердилась по мѣстамъ еще болѣе мысль, что «будетъ». Даромъ-бы читать не стали, а коли ужъ зачали читать, значитъ «будетъ». Вотъ что они заговорили тотчасъ-же послѣ чтенія, по крайней мѣрѣ по мѣстамъ. Я именно знаю случаи: покупали крестьяне у сосѣдняго помѣщика землю и сошлись было въ цѣнѣ, а послѣ этого чтенія отступились: «и безъ денегъ возьмемъ». Посмѣиваются и ждутъ. Я только про слухи говорю, про способность внимать имъ, свидѣтельствующую именно о нравственномъ безпокойствѣ народа... И вотъ что главное: народъ у насъ одинъ, т. е. въ уединеніи, весь только на свои лишь силы оставленъ, духовно его никто не поддерживаетъ. Есть земство, но оно «начальство». Есть судъ, но и то «начальство»; есть община наконецъ, міръ, но и то какъ будто-бы уже теперь тянетъ къ чему-то похожему на начальство. Газеты полны описаніями, какъ народъ выбираетъ своихъ выборныхъ,—въ присутствіи «начальства», непремѣннаго члена какого-нибудь, и что изъ этого происходитъ». («Дневникъ Писателя». Январь. 1881 г. 11 и 12 стр.).

И такъ, Достоевскій, во-первыхъ, сомнѣвается въ возможности дальнѣйшаго существованія единичнаго, помѣщичьяго, частнаго владѣнія землею рядомъ съ крестьянскою общиною, которая рано или поздно

должна поглотить частное землевладѣніе, несоотвѣтствующее духу нашего народа и не могущее держаться иначе, какъ на пьянствѣ, или кабакѣ основываясь. Во-вторыхъ, Достоевскій скорбитъ объ угнетеніи нашего народа и желаетъ ему возможно широкой свободы, такой свободы, какая въ Сѣверной Америкѣ, даже еще бо̀льшей свободы, ибо тамъ все-таки буржуазный принципъ не вполнѣ уничтоженъ, и трудъ не вполнѣ освобожденъ отъ ига капиталистовъ.

Изъ этого видно, что взгляды Достоевскаго отличаются такою шириною и глубиною, какую привыкли приписывать лишь однимъ космополитическимъ радикаламъ. Но ученіе Достоевскаго болѣе широко, чѣмъ ученіе космополитическихъ радикаловъ, ибо кромѣ ученія о свободѣ (политической и экономической) отдѣльныхъ личностей, оно заключаетъ въ себѣ еще и ученіе о свободѣ цѣлыхъ народовъ, т. е. ученіе о національной свободѣ, безъ которой не можетъ быть ни экономической, ни политической, ни умственной самобытности славянскихъ и другихъ племенъ. А для самобытности племенъ славянскихъ необходимо ихъ объединеніе, т. е. союзъ, или федерація славянскихъ племенъ рядомъ съ союзомъ, уже упроченнымъ, германскихъ племенъ; слѣд. Достоевскій былъ другомъ славянъ и ихъ объединенія, или федеративнаго союза, т. е. Достоевскій былъ *славянофилъ* (другъ славянъ отъ греч. слова φιλέω-люблю); точно также какъ онъ былъ-бы германофиломъ въ Германіи, романофиломъ въ Италіи и т. д., но тамъ его почитали-бы вездѣ за это, какъ почитаютъ итальянцы Мадзини, Гарибальди и т. д., а здѣсь, т. е. у насъ въ Россіи, Достоевскаго за то называли только «квасны мъ» патріотомъ, или «шовинистомъ», хотя онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а напротивъ всегда возставалъ и противъ «кваснаго» патріотизма, и противъ шовинизма, и проповѣдывалъ лишь гуманизмъ и націонализмъ въ политикѣ, націонализмъ, не переходящій въ «мессіанизмъ», и потому не заслуживающій и упрековъ украинскаго критика г. Потебни.

Но чтобы понять націонализмъ Достоевскаго необходимо сперва выяснить значеніе націонализма вообще и указать на родство его съ истиннымъ либерализмомъ и истиннымъ радикализмомъ.

Націонализмъ вообще есть ученіе довольно новое и только недавно оно стало вырабатываться въ стройную систему, и приняло законченный видъ. До сихъ поръ ученіе о свободѣ заключало въ себѣ

лишь ученіе о свободѣ отдѣльныхъ личностей, а государство, естественный союзникъ личностей, разсматривалось новыми ученіями, какъ врагъ свободы, и какъ переходная форма отъ дикаго состоянія къ анархіи. Держась такого взгляда, трудно было оспаривать доводы анархистовъ, и имъ легко было проводить свои теоріи въ литературу и жизнь. Даже великое ученіе Лассаля явилось лишь слабымъ протестомъ противъ этой проповѣди и не могло остановить ея разрушительнаго дѣйствія.

Анархизмъ явился, какъ послѣднее слово западноевропейской науки и достойнымъ образомъ завершилъ собою циклъ скептической, въ себѣ самой сомнѣвающейся мысли. Проповѣдь отчаянья Гартмана (философа) и проповѣдь убійства террористовъ нисколько не противорѣчатъ одно другому, а напротивъ, суть естественныя послѣдствія односторонняго скептицизма, невѣрія въ науку и въ нравственность. Это родныя дѣти нашего скептическаго, сомнѣвающагося вѣка. Отрицаніе разума во имя разума (скептицизмъ) и отрицаніе свободы во имя свободы (терроризмъ)—плоды западноевропейской цивилизаціи. И эти-то плоды хотятъ навязать намъ наши самозванные проповѣдники западноевропейскихъ доктринъ. Но слава Богу у насъ явились новыя силы, и русскій духъ пробудился уже: онъ протестуетъ противъ подобнаго порабощенія и призвалъ на помощь разума—вѣру. Онъ вѣритъ въ ученіе Христово и проповѣдь любви и всепрощенія ставитъ выше истребленья и озлобленья. Положить душу свою за друзей своихъ намъ заповѣдалъ Христосъ, но не заповѣдалъ намъ истреблять ближнихъ и на несчастіи однихъ основывать счастіе другихъ. Святыя стремленія не слѣдуетъ осквернять нечистыми средствами, и великія идеи распространялись инымъ способомъ. Ученіе Христа покорило весь міръ безъ огня и меча, безъ пороху и динамита; а терроръ Робеспьера и Марата привелъ лишь къ реакціи и деспотизму Наполеона. Вотъ почему правило: «цѣль оправдываетъ средство» не только безнравственно, но и несостоятельно съ утилитарной точки зрѣнія и отвергнуто исторіею, и наукою.

И такъ, русская мысль отстаиваетъ гуманизмъ и не увлекается терроризмомъ; но одинаково отрицаетъ она и анархизмъ, т. е. анти-государственное ученіе. Самыми серьезными противниками анархистовъ являются у насъ славянофилы, которые, на основаніи науки и историческаго опыта, отвергли анти-государственные принципы.

Такимъ образомъ, не смотря на отсутствіе въ нашей интеллигенціи патріотизма, ученіе о патріотизмѣ, т. е. націонализмъ, разрабатывается у насъ и начинаетъ пріобрѣтать все бо́льшее и бо́льшее число послѣдователей, которые становятся націоналистами, не переставая быть «новыми народниками». Но, во избѣженіе недоразумѣній, необходимо помнить, что не всѣ славянофилы таковы, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно не понимаютъ новаго народничества и даже злобствуютъ на него. Но эти славянофилы не суть настоящіе славянофилы, ибо славянофильство всегда было ученіемъ о свободѣ (экономической и политической) какъ національностей, такъ и отдѣльныхъ личностей; поэтому оно никогда не было и не могло быть враждебно народничеству, хотя-бы и такому, которое называется теперь «новымъ народничествомъ», и сантиментализмъ и идеализмъ были принадлежностью только нѣкоторыхъ славянофиловъ, но не всѣхъ.

Истинныхъ славянофиловъ было очень мало, и къ нимъ можно причислить развѣ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго, нашихъ спеціалистовъ - историковъ, профессора В. С. Соловьева и сотрудниковъ «Русской Мысли» и «Земства». Доводы этихъ славянофиловъ мало касаются націонализма вообще, но весьма сильно отстаиваютъ національную самобытность Россіи. Доводы ихъ слѣдующіе. Экономически Россія должна сохранить независимость и свободу потому, что иначе намъ грозитъ опасность вторженія и воцаренія у насъ буржуазныхъ принциповъ Западной Европы. Наша община, наше сельское самоуправленіе, не подчиненное имущественному цензу,—все это суть задатки лучшаго будущаго, точно также какъ такими задатками суть принципы надѣленія крестьянъ землею и отрицанія имущественнаго ценза для права выбора. Эти принципы только у насъ осуществлены на дѣлѣ. Правда, крестьяне наши пока еще бѣднѣе западноевропейскихъ; но это лишь временное явленіе, которое у насъ легче уничтожить, чѣмъ въ Западной Европѣ: у насъ крестьянство не четвертое, а единственное сословіе въ Россіи..

Поэтому у насъ правда восторжествуетъ скорѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и не нуждается въ кровавой революціи. «Волны западноевропейской революціи разобьются о нашъ берегъ», сказалъ Достоевскій, и былъ совершенно правъ въ этомъ. Нужды нѣтъ, что временно террористы торжествуютъ и дѣйствуютъ у насъ даже съ большимъ

успѣхомъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Это тоже лишь временное зло, и народъ нашъ, какъ только дадутъ ему говорить, громко заявитъ свой протестъ противъ ученія насилія. Но чтобы услышать этотъ протестъ, надо интеллигенціи сблизиться съ нимъ и не надо подавлять нашъ народъ умственною опекою нашею. Изъ всего этого слѣдуетъ, что надо отстоять и нашу національную и народную самобытность, т. е. надо, во-первыхъ, отстоять независимость Россіи, а во-вторыхъ, надо помочь народу и не дать «бѣлымъ жилетамъ» въ руки страшнаго оружія противъ него, т. е. конституціи!

Вотъ почему славянофилы съ одной стороны отстаиваютъ независимость Россіи и признаютъ необходимымъ нашъ національный ростъ и самобытность, безъ которой мы будемъ подавлены буржуазными западно-европейскими государствами (которыя только на словахъ боятся нашего «деспотизма», а на самомъ дѣлѣ боятся, напротивъ, торжества нашихъ демократическихъ идей), а съ другой стороны славянофилы отстаиваютъ свободу народа и потому протестуютъ противъ введенія у насъ аристократической или буржуазной конституціи на подобіе западноевропейскихъ. «Умные люди», говоритъ Достоевскій («Дневникъ Писателя». Январь 1881 г. стр. 3-я), «разрѣшили наконецъ вопросъ, почему мы не Европа и почему у насъ не такъ, какъ въ Европѣ: «потому-де, что не увѣнчано зданіе». Вотъ и начали всѣ кричать объ увѣнчаніи зданія, забывъ, что и зданія никакого не выведено, что и вѣнчать-то стало быть совсѣмъ нечего; что вмѣсто зданія всего только нѣсколько бѣлыхъ жилетовъ, вообразившихъ, что они уже зданіе, и что увѣнчаніе, если ужъ и начать его, гораздо пригоднѣе начать прямо съ низу, съ армяка и лаптя, а не съ бѣлаго жилета. Тутъ сдѣлаемъ необходимую оговорку: увѣнчаніе съ низу на первый взглядъ, конечно, нелѣпость, хотя бы въ архитектурномъ смыслѣ и противорѣчитъ всему, что было и есть въ этомъ родѣ въ Европѣ. Но такъ какъ у насъ все своеобразно, все не такъ, какъ въ Европѣ, а иногда такъ совсѣмъ наоборотъ, то и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ увѣнчаніе зданія, дѣло это можетъ произойти наоборотъ Европѣ, къ удивленію и негодованію нашихъ русскихъ европейскихъ умовъ. Ибо къ удивленію Европы, нашъ низъ, нашъ армякъ и лапоть, есть въ самомъ дѣлѣ въ своемъ родѣ уже зданіе,—не фундаментъ только, а именно зданіе,—хотя и не завершенное «(община наша напр., наше крестьянское самоуправ-

леніе, мірскіе сходы при всеобщемъ избирательскомъ правѣ безъ имущественнаго ценза)», но твердое и незыблемое, вѣками выведенное и дѣйствительно, взаправду всю настоящую истинную идею, хотя еще и не вполнѣ развитую, нашего будущаго уже архитектурнаго законченнаго зданія, въ себѣ одномъ предчувствующее Впрочемъ, всѣ эти возгласы европейцевъ нашихъ объ увѣнчаніи, если ужъ всю правду сказать, имѣютъ характеръ, именно, какъ и сказали мы выше, болѣе стадный и механически-успокоительный, чѣмъ разсудочный, нравственно-гражданскій.

И потому такъ набросились всѣ на это новое утѣшеніе, что всѣ эти внѣшнія, именно *механически*-успокоительныя утѣшенія, всегда легки и пріятны и чрезвычайно сподручны: «нужна-де только европейская формула и все какъ-разъ спасено; приложить ее, взять изъ готоваго сундука, и тотчасъ-же Россія станетъ Европою, а рубль—талеромъ». Главное, что пріятно въ этихъ механическихъ успокоеніяхъ,—это то, что думать совсѣмъ не надо, а страдать и смущаться и подавно. Я про стадо говорю, я праведниковъ не трогаю. Праведники вездѣ есть, даже и изъ европейцевъ русскихъ, и я ихъ чту. Но согласитесь, что у насъ, въ большинствѣ случаевъ, все это какъ-то танцуя происходитъ. Чего думать, чего голову ломать, еще заболитъ: взять готовое у чужихъ и тотчасъ начнется музыка, согласный концертъ.

Мы вѣрно ужъ поладимъ
Коль рядомъ сядемъ.

Ну, а что коль вы въ музыканты-то еще не годитесь, и это въ огромнѣйшемъ, въ колоссальнѣйшемъ большинствѣ, господа? А что коль изъ бѣлыхъ жилетовъ выйдетъ лишь одна говорильня? А что, коли колоссальнѣйшее большинство бѣлыхъ-то жилетовъ въ увѣнчанное зданіе и вовсе-бы пускать не надо—(на первый случай конечно), если ужъ такъ случится когда нибудь, что оно будетъ увѣнчано? То есть ихъ-бы и можно пустить и должно, потому что все-жъ они русскіе люди (а многіе такъ и люди хорошіе), еслибъ только они со всей землей захотѣли смиренно, въ иномъ общемъ великомъ дѣлѣ свой совѣтъ сказать. Но вѣдь не захотятъ они свой совѣтъ вмѣстѣ съ землей сказать, возгордятся надъ нею. До сихъ поръ, цѣлыхъ два столѣтія были особо, а тутъ и соединяться! Это вѣдь не водевиль; это требуетъ исторія и культура, а культуры у насъ нѣтъ и не было. Посмотрите, вникните въ азартъ иного европейскаго русскаго человѣка и притомъ иной разъ самаго невиннѣйшаго и любез-

наго по личному своему характеру, посмотрите, вникните, съ какимъ нелѣпымъ, ядовитымъ и преступнымъ, доходящимъ до пѣны у рта, до клеветы азартомъ препирается онъ за свои завѣтныя идеи и именно за тѣ, которыя въ высшей степени не похожи на складъ русскаго народнаго міросозерцанія, на священнѣйшія чаянія и вѣрованія народныя! Вѣдь такому барину, такому бѣлоручкѣ, чтобы соединиться съ землею, воняющею зипуномъ и лаптемъ,—чѣмъ надо поступиться, какими священнѣйшими для него книжками и европейскими убѣжденіями? Не поступится онъ, ибо брезгливъ къ народу и высокомѣренъ къ землѣ русской уже невольно.

«Мы, дескать, только одни и можемъ совѣтъ сказать", скажутъ они, «а тѣ, остальные (т. е. вся-то земля), пусть и тѣмъ довольны будутъ пока, что мы, образуя ихъ, будемъ ихъ постепенно возносить до себя и «научимъ народъ его правамъ и обязанностямъ». (Это они-то собираются поучать народъ его правамъ и, главное,—обязанностямъ! Ахъ, шалуны!). «Русское общество не можетъ-де пребывать въ уѣздной кутузкѣ вмѣстѣ съ оборваннымъ народомъ, одѣтымъ въ національные лапти». Такъ вѣдь, выходя съ такимъ настроеніемъ, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрѣпощенія народа, зипуна-то и лаптя, хотя не прежнимъ крѣпостнымъ путемъ, такъ интеллигентной опекой и ея политическими послѣдствіями,—

«А народъ опять скуемъ!»

Ну, и разумѣется кончатъ тѣмъ, что заведутъ для однихъ себя говорильню. («Дневникъ Писателя». Январь 1881 г. 2 и 3 стр.). Вотъ лишь небольшая часть того, что можно сказать о необходимости экономической самобытности Россіи.

Въ политическомъ отношеніи свобода и независимость Россіи необходимы потому, что безъ этой свободы не будетъ равновѣсія въ Европѣ, подчиненной послѣ франко-прусской войны деспотизму Германіи, сдѣлавшейся деспотомъ Европы, благодаря объединенію германскихъ племенъ, не сопровожденному одновременнымъ объединеніемъ славянскихъ. Между тѣмъ, это объединеніе славянъ необходимо еще и потому, что федеративный союзъ ихъ будетъ не только способствовать спокойствію и независимости Россіи и Европы, но и подготовитъ федерацію европейскихъ народовъ, если только она когда нибудь возможна. Новое доказательство того, что націонализмъ нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ истиннымъ космополитизмомъ.

Далѣе, свобода и самобытность русскаго народа должна быть не только матерьяльною, но и духовною, и потому и въ философскомъ отношеніи Россія не должна вѣчно рабски идти на помочахъ у Западной Европы. Она должна твердою ногою стать на своей родной почвѣ и понять свое истинное призваніе быть посредницею между Западомъ и Востокомъ. Никакого тутъ «мессіанизма» нѣтъ: отрицаніе этого положенія есть отрицаніе самой возможности прогресса и нашего историческаго значенія. Русскій народъ, какъ и всѣ другіе народы, призванъ играть свою роль въ исторіи цивилизаціи, и роль эта начинаетъ все яснѣе и яснѣе обрисовываться передъ нами. Достоевскій пророческими устами возвѣстилъ намъ эту роль, а профессора О. Ѳ. Миллеръ и В. С. Соловьевъ научнымъ образомъ разработали этотъ вопросъ,—т. е. вопросъ о примиреніи европейскихъ противорѣчій и философскомъ синтезѣ, долженствующемъ закончить работу анализа. Вотъ задачи русской мысли, призванной начать новую эру въ исторіи развитія человѣчества.

Но всего этого не понимаютъ наши лже-либералы и лже-радикалы, которые подъ личиною прогрессивнаго ученія проповѣдуютъ намъ самые антигосударственные, т. е. анархическіе принципы.

Нельзя, конечно, одобрить пріемовъ «Московскихъ Вѣдомостей», приравнивающихъ либераловъ къ анархистамъ; но нельзя и отрицать того, что ученіе петербургскихъ «либераловъ» (о противорѣчіи между національными и народными интересами и отрицаніе націонализма) есть самое антигосударственное, т. е. *анархическое* ученіе, и что истинный либерализмъ имѣетъ весьма мало общаго съ ихъ устарѣлымъ «либерализмомъ». Эти «либералы» держатся пока только благодаря нападкамъ г. Каткова, который своею клеветою еще болѣе возвышаетъ ихъ значеніе и окружаетъ ихъ ореоломъ мнимыхъ мучениковъ за идею. Между тѣмъ, хотя нельзя отрицать ихъ искренность и даже серьезное желаніе принести пользу Россіи, но никакъ нельзя причислить ихъ и къ истиннымъ прогрессистамъ. Они, сами того не замѣчая, дуютъ въ руку анархистамъ, ибо, отрицая націонализмъ, они тѣмъ самымъ отрицаютъ и государственность, и потому безсильны противъ проповѣди анархіи. Насколько г. Катковъ помогаетъ анархистамъ своею реакціонною проповѣдью, настолько петербургскіе «либералы» помогаютъ анархистамъ, осмѣивая патріотизмъ и національную политику. Серьезными противниками анархистовъ, какъ мы уже раньше сказали, являются лишь славянофилы «Русской

мысли» и тѣ изъ новыхъ народниковъ, которые не отреклись отъ народности своей. Но кромѣ г. Каткова и петербургскихъ «либераловъ», у анархистовъ есть еще и другіе помощники, которые недостойны даже обуть ноги у самихъ террористовъ: эти помощники суть ренегаты русскіе Іуды предатели Россіи. Они стремятся къ разрушенію русскаго государства не ради идей, хотя-бы и ложныхъ, а ради мелкихъ цѣлей своего личнаго тщеславія и честолюбія. Эти господа ниже всякой, даже самой снисходительной, критики; нѣтъ названія, которымъ можно было достойнымъ образомъ заклеймить этихъ продажныхъ ренегатовъ, которые готовы все на свѣтѣ продать и у которыхъ нѣтъ ничего святаго и дорогаго. Даже ихъ союзники террористы относятся къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, и всякій истинный прогрессистъ не подастъ имъ руки. Они достойны лишь презрѣнія, и кара Божія постигнетъ ихъ. Они не укроются отъ нея никогда ни куда, и гнѣвъ народа уничтожитъ ихъ вредные плоды. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ честолюбцевъ такъ и просятся на языкъ. Но пусть лучше они сами узнаютъ себя въ нижеслѣдующемъ описаніи.

Эти господа почти всегда прикидываются друзьями Россіи и сторонниками русскихъ интересовъ. Они льстиво увѣряютъ насъ въ своей дружбѣ и любви, а добившись нѣкотораго довѣрія съ нашей стороны, начинаютъ потихоньку опутывать насъ цѣлою сѣтью искусныхъ софизмовъ, ловко придуманныхъ и хитро сплетенныхъ между собою.

Они стараются убѣдить насъ, во-первыхъ, въ томъ, что Россія страна исключительно земледѣльческая, и поэтому успѣшное развитіе торговли и промышленности дѣло не особенно важное для нея. Этими доводами они стараются повліять не только на юнцевъ, но даже и на высшую администрацію, и этимъ хотятъ сбить съ толку ее. Между тѣмъ несостоятельность этихъ софизмовъ сразу бросается въ глаза, и странно было-бы, если-бы они хоть кого нибудь могли ввести въ заблужденіе. Во-первыхъ, Россія не есть, не была и никогда не будетъ *исключительно земледѣльческою страною*: Россія всегда стремилась пріобрѣсти торговое и промышленное значеніе на всемірномъ рынкѣ и всегда хотѣла освободиться отъ экономической опеки, въ которой, къ сожалѣнію, она и до сихъ поръ находится. Истинные патріоты понимаютъ, что Россія всегда будетъ находиться въ такой опекѣ, пока у насъ не будетъ достаточно развита ни добывающая,

ни обрабатывающая промышленность. Только успѣшное развитіе промышленности можетъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ мѣстныхъ жителей, и доставить такой излишекъ товара, который можно было бы вывозить заграницу, чтобы соперничать на всемірномъ рынкѣ съ остальными государствами Европы. Только подобный результатъ могъ-бы насъ избавить отъ экономической зависимости и при болѣе правильномъ распредѣленіи капиталовъ и земель, при уравненіи правъ труда и капитала, еще болѣе увеличилъ-бы благосостояніе народа. Никакой народъ на одномъ земледѣліи продержаться не можетъ, не будучи закрѣпощенъ экономически другими народами, ибо безъ обдѣланныхъ орудій, безъ машинъ невозможно и земледѣліе, а сукна, полотна и другіе товары могутъ быть продуктами лишь фабричнаго производства, и лишь на низшей степени культуры народъ можетъ удовлетвориться продуктами одного кустарнаго производства. Только у первобытныхъ народовъ замѣтно было исключительное преобладаніе земледѣлія, или пастушества (народы земледѣльческіе и пастушескіе и въ противоположность имъ у другихъ народовъ исключительно преобладаніе торговли, какъ напр. у финикіянъ). Но какъ только стали возникать первые зачатки цивилизаціи, эти грубые остатки первобытнаго состоянія стали постепенно исчезать и *промышленность* и *торговля* присоединились къ одинокому дотолѣ земледѣлію, составивъ съ нимъ крѣпкій союзъ. Этотъ союзъ есть единственное условіе народнаго благоденствія и не противорѣчитъ никакимъ соціальнымъ воззрѣніямъ. Уже древніе вавилоняне были не только земледѣльческимъ, но и промышленнымъ и торговымъ народомъ. Древніе греки на низшей степени культуры, правда, были исключительно земледѣльческимъ народомъ, но при дальнѣйшемъ ходѣ развитія они обратили вниманіе на свою торговлю и промышленность, и достигли въ этомъ отношеніи цвѣтущаго состоянія. Правда, этому много способствовало географическое положеніе Греціи и свойство ея береговъ, изрѣзанныхъ заливами и бухтами и отличающихся большою доступностью; но это было и новымъ доказательствомъ того экономическаго закона, которому подчиняется весь ходъ развитія человѣчества.

Въ Западной Европѣ экономическій прогрессъ все болѣе и болѣе выяснялъ (теоретически и практически) историческую непреложность этого закона, и *земледѣліе, промышленность* и *торговля въ каждой странѣ* являлись главными факторами народнаго благосо-

стоянія, хотя и служили временно болѣе государству, чѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, и были временно подчинены эгоистическимъ буржуазнымъ принципамъ. Но эти буржуазные принципы не имѣютъ ничего общаго ни съ промышленностью, ни съ торговлею, и грустно было-бы, если-бы, въ виду злоупотребленія буржуазіею капиталами, вовсе стали-бы отрицать полезность капиталовъ и значеніе ихъ для страны. Капиталы могутъ имѣть свое значеніе и тогда, когда трудъ будетъ уравненъ съ капиталомъ и водворится принципъ: «коемуждо по трудамъ его», ибо когда есть больше, тогда и легче дѣлить. Такія экономическія аксіомы приходится, къ сожалѣнію, разъяснять теперь, ибо находятся чудаки, которые серьезно увѣряютъ, что національные интересы всегда будутъ противорѣчить народнымъ. Между тѣмъ временному антагонизму между національными и народными интересами не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе, и нельзя утверждать, что недостатки современныхъ государствъ доказываютъ безполезность всякаго государственнаго устройства и необходимость возвращенія къ анархіи и безначалію.

Вообще у насъ, какъ и во всемъ, критика плохаго государственнаго устройства ведетъ къ отрицанію всякаго государственнаго устройства; критика деспотизма ведетъ не къ ученію о свободѣ, а къ проповѣди произвола и насилія надъ жизнью и убѣжденіями мирныхъ гражданъ: горсть фанатиковъ хочетъ насильно навязывать народу извѣстныя политическія формы, ранѣе чѣмъ онъ самъ высказался, и даже въ противность тому, чего онъ самъ хочетъ. Но противъ этихъ воззрѣній всегда возставали славянофилы; противъ нихъ-же возсталъ и Достоевскій.

Противъ этихъ воззрѣній покойный боролся всю жизнь свою и пострадалъ за свои убѣжденія какъ отъ защитниковъ деспотизма, такъ и отъ защитниковъ произвола и анархіи. Но Достоевскій простилъ всѣмъ своимъ врагамъ и лишь молодежь хотѣлъ предостеречь отъ этого опаснаго яда. Онъ напоминалъ молодежи, что лишь народъ можетъ выбрать себѣ ту или другую форму правленія, а мы не имѣемъ права навязывать ему то или другое. Мы имѣемъ лишь право заботиться о просвѣщеніи народа, но не должны обращать это просвѣщеніе въ закрѣпощеніе и не имѣемъ права отрицать національный духъ народа съ точки зрѣнія нашего ложнаго космополитизма, который, въ свою очередь, можетъ уступить мѣсто новому, еще болѣе «передовому» ученію. Цивилизація, по справедливому мнѣнію До-

стоевскаго, не двигается впередъ непрерывно, а имѣетъ свои приливы и отливы, и мы не имѣемъ никакой гарантіи въ томъ, что ученіе, почитаемое нами сегодня истиннымъ, завтра не окажется ложнымъ и даже противнымъ прогрессу. Поэтому мы не имѣемъ никакого права относиться свысока къ воззрѣніямъ народнымъ, особенно къ національнымъ воззрѣніямъ его, которыя въ инстинктивной формѣ представляютъ собою зачатки народнаго самосознанія, и не намъ отщепенцамъ поучать народъ исторіи. Исторія показываетъ, что народныя массы часто воплощали въ себѣ историческую идею и своимъ непосредственнымъ инстинктомъ и чутьемъ понимали свои задачи шире и лучше, чѣмъ понимала ихъ обезличенная и потерявшая подъ ногами почву интеллигенція. Національные интересы народовъ нисколько не менѣе важны, чѣмъ другія нужды ихъ, и отрицаніе исторической роли своего роднаго народа равносильно отреченію отъ него, и потому должно быть названо измѣнничествомъ и ренегатствомъ. Достоевскій глубоко понималъ эту истину и отрицалъ какъ безплодный мессіянизмъ, такъ и національный скептицизмъ. Онъ опередилъ въ этомъ отношеніи почти всѣхъ своихъ современниковъ и потому вполнѣ заслужилъ названіе «пророка и учителя», которое дали ему наши маститые ученые В. С. Соловьевъ и Ор. Ѳ. Миллеръ.

ГЛАВА III.

Достоевскій и Л. Н. Толстой.

Здѣсь русскій духъ!
Здѣсь Русью пахнетъ!
Пушкинъ.

Одна изъ мало распространенныхъ въ Петербургѣ газетъ «Современныя извѣстія» слѣдующимъ образомъ указала на духовную связь между Достоевскимъ и другими русскими самостоятельными умами (Пушкинымъ, Гоголемъ, Л. Толстымъ, Аксаковымъ и др.)

«Ѳ. М. Достоевскій былъ самородокъ», говоритъ названная газета, «какъ тѣмъ-же самородкомъ былъ Гоголь, самородками были Аксаковъ, Хомяковъ и Кирѣевскій; въ самородка же обращался подъ конецъ Пушкинъ. Самородкомъ мы называемъ не самоучку, лишеннаго элементарныхъ свѣдѣній, а того, кто вырывается изъ общаго тока мысли и создаетъ себѣ собственную систему, безъ учителей, внѣ преемственной связи съ непосредственно предшествующимъ и въ противорѣчіе окружающему мнѣнію. Это не мистики, а эксцентрики въ области ума, какъ бываютъ эксцентрики въ бытовой области. И вотъ что замѣчательно: каждый изъ поименованныхъ, несомнѣнно великихъ умовъ и талантовъ, въ порѣ зрѣлыхъ силъ, эксцентрически обращался, независимо одинъ отъ другаго, именно къ направленію, окрещиваемому именемъ мистическаго, съ тѣми или другими видоизмѣненіями. Верхогляды называютъ рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго, произнесенную на юбилеѣ, даже «ретроградною», на каковой эпитетъ, впрочемъ, не скупились ни для Гоголя, ни для Пушкина, ни для славянофиловъ. Общаго во всѣхъ этихъ «мистикахъ» и «ретроградахъ», за что они и получили такое наименованіе, было то, что они искали внутренняго, нравственнаго и даже прямо религіознаго идеала, его признавали право на господство и къ нему взывали. И всѣ

шли порознь, каждый самъ по себѣ (за исключеніемъ славянофиловъ), но приходили каждый къ тому-же съ своей стороны, одинъ строгимъ мышленіемъ, другой поэтическимъ чутьемъ правды, третій художественнымъ чутьемъ, мышленіемъ и жизненнымъ опытомъ, какъ Ѳ. М. Достоевскій. И именно, по мѣрѣ возмужалости силъ, подходила эта «мистическая», и если ужъ такъ угодно называть ее, «ретроградная» струя. Да и перечисленными-ли умами оканчивается рядъ? Ѳ. М. Достоевскому наслѣдуетъ другой громадный творческій талантъ, другой самобытный умъ въ лицѣ Л. Н. Толстаго, о которомъ слышимъ, что онъ даже издалъ толкованіе на Евангеліе. Мы не имѣли случая читать толкователя-художника. Очень можетъ быть, въ немъ пропасть неосновательнаго, односторонняго, натянутаго, поспѣшнаго, но несомнѣнно все отмѣчено, вѣримъ мы, оригинальностью и талантомъ. И все-таки это опять тотъ-же «мистицизмъ», къ которому свертываетъ крупный талантъ. Такое тождество исхода глубоко поучительно, а въ томъ, что каждый приходитъ къ нему въ одиночку своею дорогою, съ необходимыми, благодаря одинокому развитію, уклоненіями,—въ этомъ пропасть трагическаго».

Да! Пропасть трагическаго въ этомъ одиночествѣ всѣхъ русскихъ людей, если только они не пристали къ лагерю петербургскихъ космополитовъ. А пора бы намъ опомниться и сбросить съ себя ярмо петербургскаго «либерализма», обезличивающаго нашу интеллигенцію и придающаго ей печать пошлости и казенщины. Пора-бы намъ проникнуться русскимъ духомъ и позаботиться о нашихъ русскихъ интересахъ, не справляясь о томъ, что скажутъ объ этомъ наши заграничные «друзья». Пора-бы намъ опомниться и посмотрѣть, гдѣ наши друзья и гдѣ враги. Пора-бы намъ подумать, за кѣмъ мы должны идти и кого мы должны признать своими учителями: тѣхъ ли, которыхъ несправедливо называютъ почему-то «мистиками», или тѣхъ, которые самозванно величаютъ себя «либералами» и «прогрессистами», но въ тоже время отрекаются отъ русской народности. Къ числу первыхъ принадлежатъ славянофилы, Ѳ. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой, профессора О. Ѳ. Миллеръ, В. С. Соловьевъ, и почти всѣ наши историки спеціалисты. Къ числу вторыхъ принадлежатъ борзописцы «Молвы» и фельетонисты другихъ «либеральныхъ» газетъ. Профессоръ Градовскій занимаетъ середину между тѣми и другими.

Первые (славянофилы), сплотившись, образуютъ такъ-называемую русскую національную партію; вторые уже давно сплотились и обра-

зовали антирусскую, т. е. антинаціональную партію. Лозунгомъ первыхъ служитъ національность и патріотизмъ; лозунгомъ вторыхъ—лже-космополитизмъ и лже-либерализмъ. До тѣхъ поръ, пока защитникомъ національной партіи являлся лишь óрганъ г. Каткова («Московскія Вѣдомости»), «либераламъ» легко было сражаться съ нею и провозглашать патріотизмъ националистовъ «квасымъ», а національныя идеи приравнивать къ воззрѣніямъ обскурантовъ и ретроградовъ. Но картина измѣнилась, когда къ націоналистамъ-консерваторамъ присоединились либеральные и радикальные националисты когда «Недѣля», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Мысль» и т. д. стали тоже отстаивать національный, народный духъ. Тогда стало выясняться, что истинный либерализмъ необходимо связанъ съ истиннымъ національзмомъ, и что «Московскія Вѣдомости» только случайно были одно время единственнымъ óрганомъ національной партіи, а національзмъ не имѣетъ никакой связи съ консерватизмомъ московскихъ «охранителей». Но борьба эта еще не окончилась теперь, и петербургскій «либерализмъ» неутерялъ еще вполнѣ свой мишурный блескъ.

Возрожденіе нашего національнаго духа, наши лучшіе художники давно предвидѣли, и Достоевскій и Л. Толстой проповѣдовали патріотизмъ въ то время, когда еще вездѣ царствовалъ космополитизмъ. Но полное выясненіе теоріи этихъ двухъ мыслителей возможно лишь при сопоставленіи ихъ ученія, которое во многихъ пунктахъ представляетъ поразительное сходство. Вотъ почему, говоря о Достоевскомъ, намъ приходится упомянуть и о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ.

Оба эти художника были чисто-русскіе люди, и оба совмѣщали въ себѣ всѣ достоинства и недостатки крупныхъ русскихъ талантовъ. Они оба всегда были замѣчательно искренни и правдивы, чистосердечны и откровенны, и всегда ставили вопросъ ребромъ. Все, чтó они писали, было несомнѣнно отмѣчено печатью оригинальности и таланта. Но много въ нихъ было и односторонняго, неуклюжаго, неловкаго и слишкомъ парадоксальнаго. Даже форма изложенія у нихъ, особенно у Достоевскаго, была далеко не безукоризненна: частыя повторенія въ одномъ и недосказанность въ другомъ значительно ослабляли и ясность ихъ мыслей. Много было въ Достоевскомъ, отчасти и въ Толстомъ туманнаго и расплывчатаго, неопредѣленнаго и неяснаго. Вотъ почему Достоевскаго понимали столь раз-

лично у насъ, а Л. Толстой, какъ публицистъ, до сихъ поръ не оцѣненъ.

Оба эти писателя облекали свои оригинальныя и глубокія мысли въ такую странную парадоксальную форму, что большинство читателей не могло понять глубокую истину, скрытую въ ихъ ученіи, въ кучѣ странностей и парадоксовъ. Поэтому ни Достоевскій, ни Левъ Толстой не имѣли такого громаднаго вліянія на молодежь, какое они могли имѣть, и любовь молодежи къ Достоевскому основывалась больше на его нравственной высотѣ, невольно приковывавшей къ нему всѣхъ.

Между тѣмъ въ ученіи этихъ двухъ величайшихъ мыслителей нашихъ лежитъ зародышъ новаго ученія, которое должно возродить насъ и озарить насъ новымъ свѣтомъ. Для полнаго выясненія этого ученія потребовался-бы цѣлый рядъ спеціальныхъ сочиненій, и въ данное время мы беремся лишь дать слабое понятіе о немъ. Это ученіе—новое народничество, соединенное съ новымъ націонализмомъ (радикальнымъ), и оно поэтому можетъ быть названо новымъ славянофильствомъ или гуманическимъ націонализмомъ. Оно есть новое славянофильство, ибо оно, какъ и прежнее славянофильство, содержитъ въ себѣ и народничество, и націонализмъ, но націонализмъ обновленный и облагороженный. Это ученіе есть ученіе о правахъ народовъ, ибо оно главнымъ образомъ разсматриваетъ этотъ вопросъ и разрѣшаетъ его въ истинно прогрессивномъ и гуманномъ духѣ. Но новое славянофильство расширило понятіе о свободѣ и въ этомъ отношеніи опередило космополитическихъ радикаловъ, ибо рядомъ съ матеріальными нуждами народа оно разсматриваетъ и духовныя потребности его, и признаетъ одинаково вреднымъ какъ экономическое, такъ и духовное порабощеніе народа интеллигенціею. Вотъ въ чемъ состоитъ основа ученія Достоевскаго и Л. Толстаго, которая непрерывною нитью тянется по всѣмъ сочиненіямъ ихъ и связываетъ ихъ, придавая имъ внутреннее единство. Вотъ почему ученіе Достоевскаго и Л. Толстаго озарено кроткимъ блескомъ гуманизма и истиннаго христіанства. Но гуманизмъ этотъ немногими понятъ, и многіе до сихъ поръ воображаютъ, что Достоевскій и Л. Толстой отстаивали народное невѣжество и уважали народные предразсудки. На самомъ дѣлѣ ни Достоевскій, ни Л. Толстой, никогда не отстаивали ничего подобнаго, а напротивъ, всегда защищали прогрессъ и просвѣщеніе. Смѣшно даже доказывать подобное положеніе.

Пора-же наконецъ русскому обществу опомниться и отрезвиться. Оцѣнимъ, какъ слѣдуетъ, нашихъ истинныхъ учителей и поставимъ ихъ на ту высоту, на которой они должны стоять. Будемъ помнить, что раздѣленіе людей на спеціальности очень условно; что Гетэ напр. дѣлалъ открытія въ зоологіи и ботаникѣ, Достоевскій въ криминалистикѣ, Л. Толстой въ педагогикѣ и т. д. Поэтому не будемъ кричать о Достоевскомъ и о Толстомъ только какъ о романистахъ и признаемъ ихъ публицистическія заслуги.

Я въ данное время хочу лишь сдѣлать краткое сопоставленіе мнѣній Достоевскаго и Л. Толстаго и указать на ихъ родство, на то, что и тотъ, и другой проводили одни и тѣ-же воззрѣнія: одинъ въ примѣненіи къ воспитанію народа интеллигенціею (Достоевскій), а другой въ примѣненіи къ воспитанію дѣтей взрослыми (Толстой). И Достоевскій, и Толстой отстаивали свободу мысли и отрицали право закрѣпощенія многихъ немногими.

«Право насилія въ дѣлѣ образованія народа», говоритъ Л. Толстой: 1) *невозможно* (ибо никогда не только не подавитъ, но и не уравновѣситъ вліянія жизни); 2) *вредно* (ибо ведетъ къ односторонности и вводитъ исключительно разсудочный элементъ въ ущербъ инстинктивному, рефлективному, заѣдаетъ чувство и волю въ пользу одной *рефлексіи*); 3) *не можетъ имѣть другаго основанія, кромѣ произвола*, ибо у насъ нѣтъ критерія для опредѣленія абсолютной истины. «Наше мнимое знаніе законовъ», говоритъ Толстой, «есть бо́льшею частью противодѣйствіе развитію новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи, есть препятствіе, а не пособіе образованію (черкесъ учитъ воровать, магометанинъ—убивать невѣрныхъ).

Ни Достоевскій, ни Толстой не доказывали, что воспитатель долженъ опуститься до ученика и увѣровать въ то, во что́ онъ вѣритъ; они говорятъ только, что нужно сообразоваться съ развитіемъ воспитываемыхъ (будь-ли то народъ или дѣти), и сообщать свои мысли имъ въ формѣ доступной и привычной; кромѣ того относиться съ осторожностью къ тому, что сообщаешь, ибо часто то, во что́ мы вѣримъ, какъ въ истину, можетъ оказаться потомъ вреднымъ заблужденіемъ. Кромѣ того, они признаютъ, что гораздо полезнѣе, вмѣсто навязыванія своихъ убѣжденій дѣтямъ и народу, заботиться больше объ ихъ умственномъ развитіи и о томъ, чтобы они сами вырабатывали въ себѣ здравыя понятія. «Народное образованіе»,

говоритъ Л. Толстой, всегда и вездѣ представляло и представляетъ одно непонятное для меня явленіе. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей—общества, правительства—стремятся передать свои знанія и образовать менѣе образованный классъ народа. Казалось-бы такое совпаденіе потребностей должно было-бы удовлетворить какъ образовывающій, такъ и образовывающійся классъ. Но выходитъ наоборотъ. Народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество и правительство, какъ представители болѣе образованнаго сословія, и усилія эти бо́льшею частію остаются безуспѣшными. Не говоря о школахъ древности — Индіи, Египта, древней Греціи и даже Рима, устройство которыхъ намъ такъ-же мало извѣстно, какъ и народное воззрѣніе на эти учрежденія,—явленіе это поражаетъ насъ въ европейскихъ школахъ со временъ Лютера до настоящаго времени.

Германія, родоначальница школы, почти 200-лѣтнею борьбой не успѣла еще покорить противодѣйствіе народа школѣ. Не смотря ни на назначенія заслуженныхъ солдатъ-инвалидовъ въ учителя Фридрихами, не смотря на строгость закона 200 лѣтъ существовавшаго, не смотря на приготовленіе учителей самаго новаго фасона въ семинаріяхъ, не смотря на все чувство покорности закону нѣмца, принудительность школы еще до сей поры всею силою тяготѣетъ надъ народомъ; нѣмецкія правительства не рѣшаются уничтожить законъ обязательности школъ. Германія можетъ гордиться только образованіемъ народа по статистическимъ свѣдѣніямъ; народъ же по прежнему, бо́льшею частью, выноситъ только изъ школы отвращеніе къ школѣ. Франція, не смотря на переходы образованія изъ рукъ короля къ директоріи и изъ рукъ директоріи въ руки духовенства, такъ же мало успѣла въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и Германія, и еще меньше, говорятъ историки образованія, судящіе по оффиціальнымъ отчетамъ. Во Франціи серьезные государственные мужи предлагаютъ еще теперь, какъ единственное средство побѣдить противодѣйствіе народа,—введеніе закона принужденія. Въ свободной Англіи, гдѣ не могло и не можетъ быть мысли введенія такого закона,—о чемъ многіе однако соболѣзнуютъ,—не правительство, а общество всѣми возможными средствами боролось и борется по сіе время съ еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, выражающимся

противодѣйствіемъ народа школамъ. Школы вводятся тамъ отчасти правительствомъ, отчасти частными обществами. Громадное распространеніе и дѣятельность этихъ религіозно-филантропическихъ-образовательныхъ обществъ въ Англіи лучше всего доказываетъ ту силу отпора, которую встрѣчаетъ тамъ образовывающая часть народа. Даже новое государство, Сѣверо-Американскіе Штаты, не обошло этой трудности и сдѣлало образованіе полупринудительнымъ. Что́ и говорить о нашемъ отечествѣ, гдѣ народъ еще бо́льшею частью озлобленъ противъ мысли о школѣ, гдѣ образованнѣйшіе люди мечтаютъ о введеніи нѣмецкаго закона школьнаго принужденія, и гдѣ всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина и вытекающихъ изъ него выгодъ. До сихъ поръ вездѣ почти дѣтей силою заставляютъ идти въ школу, а родителей строгостью закона, или хитростью—предоставленіемъ выгодъ, заставляютъ посылать своихъ дѣтей въ школу; а народъ самъ собою вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ». (Раскольники, прибавлю отъ себя, гораздо образованнѣе остальныхъ крестьянъ, не смотря на то, что «интеллигенція» не учитъ ихъ). «Что-жь это такое?» спрашиваетъ Толстой». Потребность образованія лежитъ въ каждомъ человѣкѣ; народъ любитъ и ищетъ образованіе, какъ любитъ и ищетъ воздуха для дыханія. Правительство и общество сгораютъ желаніемъ образовать народъ. И, не смотря на все насиліе, хитрости и упорство правительствъ и обществъ, народъ постоянно заявляетъ свое недовольство предлагаемымъ ему образованіемъ, и, шагъ за шагомъ, сдается только силѣ.

Какъ при каждомъ столкновеніи, такъ и при этомъ нужно было рѣшить вопросъ: что болѣе законно—противодѣйствіе, или самое дѣйствіе, нужно ли сломить противодѣйствіе, или измѣнить дѣйствіе?

До сихъ поръ, сколько можно было видѣть изъ исторіи, вопросъ былъ рѣшаемъ въ пользу правительства и образовывающаго общества. Противодѣйствіе признавалось незаконнымъ; въ немъ видѣлось начало зла, присущее человѣчеству, и, не отступая отъ своего образа дѣйствія, то есть не отступая отъ той формы и отъ того содержанія и образованія, которымъ владѣло общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтоженія противодѣйствія народа. Народъ медленно и неохотно до сихъ поръ покорялся этому дѣйствію.

Должно быть образовывающее общество имѣло какія нибудь

основанія для того, чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху.

Какія-же эти основанія? какія имѣетъ основанія школа нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе.

Всегда и во всѣ вѣка человѣчество пыталось дать и давало болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, и въ наше время отвѣтъ этотъ болѣе необходимъ, чѣмъ когда нибудь. Китайскаго мандарина, не выѣзжавшаго изъ Пекина, можно заставлять заучивать изрѣченія Конфуція и палками вбивать въ дѣтей эти изрѣченія. Можно было это дѣлать и въ средніе вѣка; но гдѣ-же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которое бы могло намъ дать право насильно образовывать народъ. Возьмите какую хотите средневѣковую школу, до или послѣ Лютера, возьмите всю ученую литературу среднихъ вѣковъ,—какая сила вѣры и твердо несомнѣннаго знанія того, что̀ истинно и что̀ ложно видна въ этихъ людяхъ! Имъ легко было знать, что греческій языкъ единственное, необходимое орудіе образованія, потому что на этомъ языкѣ былъ Аристотель, въ истинѣ положеній котораго никто не усумнился нѣсколько вѣковъ послѣ. Какъ было монахамъ не требовать изученія священнаго писанія, стоявшаго на незыблемыхъ основаніяхъ. Хорошо было Лютеру требовать непремѣннаго изученія еврейскаго языка, когда онъ твердо зналъ, что на этомъ языкѣ самъ Богъ открылъ истину людямъ. Понятно, что когда критическій смыслъ человѣчества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая; что естественно было ученикамъ заучивать наизусть истины, открытыя Аристотелемъ, и поэтическія красоты Виргилія и Цицерона»... «Сравните», говоритъ далѣе Толстой, «догматическую школу среднихъ вѣковъ, въ которыхъ истины несомнѣнны, и нашу школу, въ которой никто не знаетъ, что есть истина, и въ которую все-таки насильно ученика заставляютъ ходить, а родителей посылать своихъ дѣтей. Мало того, легко было средневѣковой школѣ знать чему учить, чему учить прежде и чему послѣ, и какъ учить, когда метода была только одна, и когда вся наука сосредоточивалась въ Библіи, книгахъ Августина и Аристотеля. Но каково намъ при безконечномъ разнообразіи предлагаемыхъ со всѣхъ сторонъ методовъ обученія, при огромномъ количествѣ наукъ и ихъ подраздѣленій, сложившихся въ наше время, каково

намъ—выбрать одинъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ методовъ, выбрать извѣстную отрасль наукъ и выбрать, что труднѣе всего, ту послѣдовательность въ преподаваніи этихъ наукъ, которая была-бы разумна и справедлива. Мало и этого. Отыскиваніе этихъ основаній въ наше время представляется болѣе труднымъ въ сравненіи съ средневѣковою школою еще и потому, что тогда образованіе ограничивалось однимъ извѣстнымъ классомъ, готовившимся жить въ однихъ опредѣленныхъ условіяхъ. Въ наше время, когда весь народъ заявилъ свои права на образованіе,—знать то, что нужно для всѣхъ этихъ разнородныхъ классовъ, представляется намъ еще болѣе труднымъ и еще болѣе необходимымъ». Далѣе Толстой развиваетъ совершенно вѣрную мысль о необходимости не сковывать человѣческую мысль и заботиться не столько о сообщеніи знаній, сколько о выработкѣ способности самостоятельно мыслить.

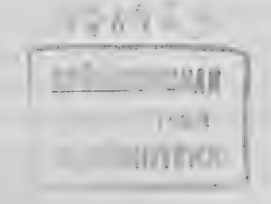
Подъ-конецъ Толстой говоритъ, «что образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ обнимающее и воспитаніе», по его убѣжденію, «есть та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія... Задача науки образованія есть только изученіе условій совпаденія этихъ двухъ стремленій къ одной общей цѣли, указаніе на тѣ условія, которыя препятствуютъ этому совпаденію». Итакъ, Толстой признаетъ одинаково важнымъ, какъ стремленіе народа къ равенству (экономическому и умственному), такъ и стремленіе интеллигенціи къ прогрессу, и потому не желаетъ ни закрѣпощенія народа интеллигенціею, ни закрѣпощенія интеллигенціи народомъ. Такого-же мнѣнія держался и Достоевскій. Поэтому нелѣпо утверждать, что тотъ или другой изъ нихъ стоялъ противъ прогресса, или хотѣлъ привить интеллигенціи народные предразсудки. Они только отстаивали свободу дѣйствія народа и утверждали, что народъ во многомъ понимаетъ свои права и обязанности лучше, чѣмъ поучающая его интеллигенція. И Достоевскій и Л. Толстой утверждали, что есть способность, которая выше разсудка и которая вѣрнѣе можетъ привести насъ къ истинѣ. Эту способность они называли творческою фантазіею и народнымъ чутьемъ, и признавали этотъ инстинктъ болѣе вѣрнымъ и надежнымъ руководителемъ народовъ, чѣмъ софистическій разсудокъ интеллигенціи, особенно той, которая оторвана отъ народа и потеряла почву подъ ногами (какъ примѣръ историческаго инстинкта народовъ можно привести стремленіе западно европейскихъ народовъ въ сред-

ніе вѣка къ «освобожденію гроба Господня», которое послужило къ сближенію Запада съ Востокомъ).

И Достоевскій, и Л. Толстой признавали, что народъ нашъ болѣе вѣрный носитель нашей исторической идеи, чѣмъ интеллигенція, потерявшая всякій національный обликъ и не вѣрящая ни въ свой народъ, ни въ его будущность. Они не хотѣли, чтобы народъ нашъ воспринялъ нашу гамлетовщину, рудинство и т. д., которыя развились у насъ благодаря одностороннему развитію разсудка, при полномъ отсутствіи физическаго труда и атлетическихъ упражненій, безъ которыхъ воля и характеръ нашъ слабѣютъ и психическая гармонія нарушается. Они не хотѣли привить народу нравственныя болѣзни интеллигенціи и дать ему потерять свои вѣрованія, когда онъ не въ состояніи еще воспринять новыхъ ученій.

Достоевскій и Л. Толстой отлично понимали, что народъ, потерявшій свои основныя политическія и религіозныя вѣрованія и неспособный еще воспринять новыя ученія, непремѣнно начнетъ нравственно слабѣть и можетъ потерять всякую точку опоры (паденіе Греціи и Рима). Поэтому они предостерегали интеллигенцію отъ слишкомъ поспѣшной пропаганды атеизма и космополитизма, и хотѣли отстоять духовную самобытность народа.

Когда національзмъ будетъ признанъ у насъ, тогда только и Л. Толстой, и Достоевскій будутъ оцѣнены вполнѣ.

*) Совершенно помимо вопроса о нашей оторванности отъ народа и потерѣ вѣры въ идеалы, нельзя отрицать и того, что воспитаніе наше, не дающее ничего для развитія воли сильно способствуетъ развитію болтуновъ. У древнихъ грековъ и у современныхъ англичанъ атлетическія упражненія требующія напряженія воли, укрѣпленія, выдержки, самообладанія и побѣды надъ трусостью, служили для упражненія не только тѣла, но и души. Пора-бы и намъ послѣдовать этому примѣру, которому уже начали слѣдовать въ Германіи и Италіи, и думать о развитіи не одного разсудка, который безъ воли ничто. Пора-бы намъ перестать бояться «ожесточенія нравовъ»: религіозно-нравственное воспитаніе при нашей мягкости всегда парализируетъ животные инстинкты, а, гимнастика можетъ только способствовать поддержанію нравственности, между тѣмъ какъ пятичасовое безостановочное сидѣніе за книгою въ школахъ ослабляетъ нетолько тѣло, но и духъ, принося въ жертву количеству качество труда.

Прежде прочтенія прошу исправить слѣдующія опечатки:

Стран.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читашь:*
11	1 сверху	оно вѣчно оно	оно вѣчно: оно
12	17 сверху	И такъ	Итакъ
13	9 снизу	«каплунныя мудрости»	«каплунья мудрости»
17	14 снизу	не справедливо	несправедливо
23	6 сверху	идеалъ	идеалы
33	3 сверху	не представитъ его	напредставитъ его
35	10 сверху	И такъ	Итакъ
37	8 снизу	но истинный	но и истинный
40	3 снизу	un tartare	le tartare
48	3 снизу	исторія и культура	исторіи и культуры

